

Дальневосточное региональное литературное издание

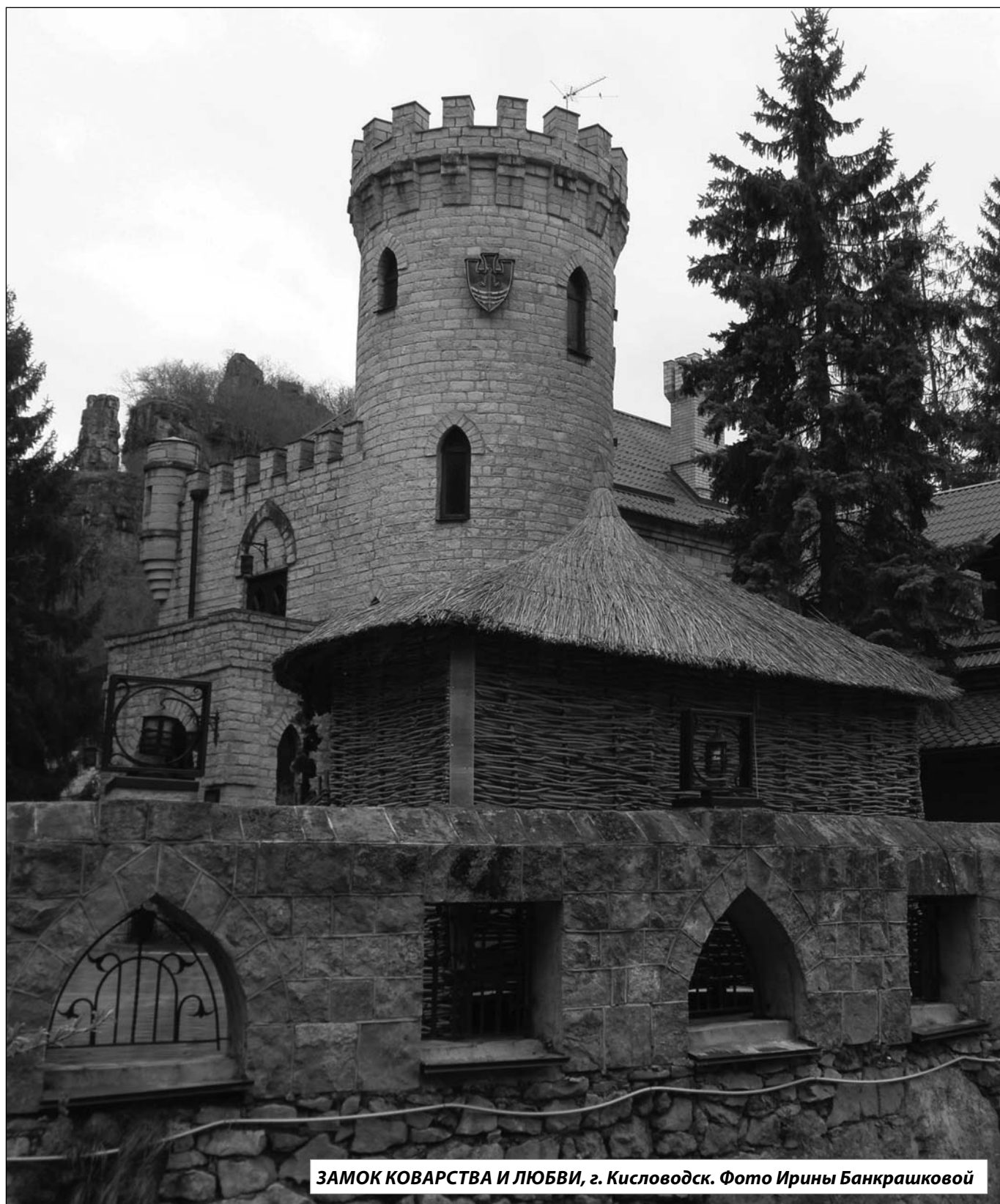
Литературный меридиан

Июнь 2010 г. № 7-8 (31-32)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ЗАМОК КОВАРСТВА И ЛЮБВИ, г. Кисловодск. Фото Ирины Банкрашковой

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	3
Юрий КАБАНКОВ. (Мастерская)	6
Галина УЛЬЯНОВА. (Памяти свет)	8
Борис ТИМОФЕЕНКО. (Конкурс «Шумитволна...»)	13
Ирина БАНКРАШКОВА. (Драгоценное Сердце)	14
Н. МАТЯШ. (Проза)	15
Николай ЗИНОВЬЕВ. (Поэзия)	16
Валерий КУЛЕШОВ. (Поэзия)	17
Александр ЕГОРОВ. (Поэзия)	18
Василина ОРЛОВА. (Поэзия)	19
Геннадий ВОРОНИН. (Конкурс «Шумит волна...»)	20
Владимир ТЫЦКИХ. (Поэзия)	22
Мария МАРКОВА. (Поэзия)	23
Вячеслав ПРОТАСОВ. (Поэзия)	24
Виктор ДЕБЕЛОВ. (Поэзия)	25
Валентина ГАМАЮНОВА, Лина ГЛАДКАЯ. (К 65-тию Великой Победы)	26
Светлана МАЩЕНКО. (Проза)	28
Григорий РЕЙНГОЛЬД. (Разговор с читателем)	30
Василий САМОТОХИН. (Конкурс «Шумит волна...»)	32
Эльвира КОЧЕТКОВА. (Памятные даты)	34

Время такое...

Никто из нас не знает своей судьбы. А многим и знать не хочется, *время такое* – день прошёл, ты жив, мало-мальски сыт, худобно обут-одет, дети, кажется, в порядке, и – слава Богу! А утро вечера мудренее – известное дело. Утром, знамо, что-то новое случится, всё нерешённое вчера решится само собой, хотя и неизвестно, каким образом.

Время такое...

Центральные телеканалы вещают на всю страну радостные вести – Россия выходит из кризиса, налицо рост ВВП, счастливый народ готовится ко всероссийской переписи населения. Но, если верить собственным глазам, всё это верно с точностью до наоборот: страна корчится от экономической нестабильности, повального воровства, бездумных экспериментов в области образования, медицины, армии... Чинуши берут взятки, доведённые до отчаяния крестьяне пьют горькую, инвалиды Великой Отечественной вынуждены обивать пороги властных кабинетов, собирать бумажки, доказывая своё право на улучшение жилищных условий, а владивостокских автомобилистов, не желающих пересаживаться на отечественный автохлам, избивают залётные омовцы. Это называется красивым словом *демократия*.

А ведь над нами небо, в которое смотрел святой Серафим Саровский...

Однажды всё изменится. Я ни на миг не сомневаюсь – однажды всё встанет на свои места. В полях будет расти хлеб, учителям позволят заняться преподаванием и воспитанием детей, а под модернизацией вооружённых сил будет пониматься что-то иное, отличное от тотального сокращения боеспособных воинских частей, призванных защищать Родину. Но вот доживём ли до этого мгновения мы?

Время такое...

Многие читатели интересуются, какие надзирательные органы контролируют наше издание, довлеет ли над нами цензура?

Контролёр у нас один – совесть. И творческое содержание каждого номера «ЛитМ» определяется исключительно нашими редакторскими и духовно-человеческими представлениями о том, каким должно быть это содержание.

Владимир Костылев

P.S.

Майский и июньский номера «Литмеридиана» существенно выросли в объёме. И это – при перманентном дефиците денежных средств!

Для сотрудников редакции «ЛитМ» не стоит вопрос – выпускать ли газету и дальше? **Конечно, выпускать!** Но вот каким будет литературное издание, зависит от каждого из вас, дорогие наши авторы и читатели, – «худосочным», объёмом в 8 страниц, выходящим «по случаю», или **многополосным, ежемесячным и удивляющим своим содержанием**. Пожалуйста, продлите свою подписку на второе полугодие 2010 года, пригласите подписаться друзей и знакомых, подпишите на «Литературный меридиан» городские и школьные библиотеки вашего населённого пункта!

История одной пародии

/дела литературные/

Геннадий БОГДАНОВ

Ко всему происходящему в жизни желательно относиться если не с юмором, то хотя бы с улыбкой. Сегодня я попытаюсь это сделать, заглянув в творческую мастерскую хабаровских литераторов, и рассказать о некоторых эпизодах из литературной жизни города. Это моё личное восприятие творческой атмосферы, начиная с 1982 года до наших дней.

Разве можно забыть старый графский особняк по улице Комсомольской, 80? Здесь располагалась редакция журнала «Дальний Восток» и хабаровское отделение Союза писателей СССР. А по четвергам вечерами заседало литературное объединение имени **Петра Комарова** при хабаровском СП. Когда я впервые пришёл сюда со своими стихами, меня поразили преклонный возраст заседавших, вернее, дремавших в креслах людей. Ни одного лица моложе шестидесяти лет! Юношей выглядел руководитель **Николай Тихонович Кабушкин**, восседавший за крепким дубовым столом.

Получилось так, что мой приход совпал с вливанием новых молодых талантов в дремлющий литературный клуб. Началось брожение. Несколько недель я уговаривал пойти на ЛИТО долговязого и талантливое **Михаила Петросова**. Петросов почему-то считал, что уровень пишущих стихи в литобъединении очень высок. Велико было его разочарование, когда он стал посещать четверги Николая Кабушкина. Вскоре появился **Александр Стогней**, студент пединститута. Энергичный **Валерий Лоуренс** чувствовал себя хозяином на литературных вечерах. Он работал в двух жанрах – в прозе и поэзии. С приходом авангардного **Александра Дудкина** сами по себе куда-то исчезли дремавшие дедушки, но появились новые. Эти новые уже не дремали, они горячо спорили с молодыми и громко читали свои гражданские «верши» с трибуны. Михаил Петросов моментально реагировал на такое шоу:

*Влезайте в танки, закрывайте люки –
Стихи читает дедушка Делюкин!*

А молодёжь всё прибывала. Стало не хватать кресел в зале. Приносили стулья из редакторских прокуренных кабинетов. Почти на каждом заседании ЛИТО, прислонившись к торцу старенького пианино, мирно похрапывал ответственный секретарь СП, но в нужный момент он бодро вскакивал со своего любимого стула и вставлял реплику, часто невпопад. Было весело. Молодой поэт, начинающий пародист **Алексей Карлин** посещал ЛИТО всегда немного под шафе, но в элегантном английском костюме и при галстучке. Большой обожатель **Вертинского**, он прекрасно исполнял его песни под аккомпанемент слегка расстроенного фортепиано.

Никогда не забуду, как читал стихи вдумчивый **Андрей Самандин**. А сколько было волнений, творческих мук и радости от удачно написанного стихотворения! «Последний акмеист», как сам себя называл Петросов, удивлял не-

иссякаемым поэтическим потенциалом. У него было чему поучиться. Именно с приходом Михаила Петросова в ЛИТО началась настоящая литературная школа.

В середине восьмидесятых некоторых членов ЛИТО им. П. Комарова стали допускать к публичному выступлению через бюро пропаганды литературы. Каждый выступавший должен был подготовить подборку стихов, которая тщательно изучалась бдительными идеологами. Бюро решало, что читать поэту.

К этому времени я уже дебютировал в краевых газетах и состоял в активе ЛИТО. Стихи читали за деньги. Выступавший получал в бюро разнарядку и несколько путёвок. После «поззоконцертов» отмеченные печатями путёвки сдавались в бюро. К концу месяца набегала кругленькая сумма, из расчёта 7 рублей 80 копеек для не члена СП, а члены СП получали свыше 25 рублей за один выход на сцену. Помню, как Алексей Карлин саркастически сравнивал членов СП с его мозгом.

Вообще, хабаровский Союз писателей на редкость консервативен. Уже в шестидесятых поэзия вырывалась из залов на площади и стадионы. **Слуцкий, Межиров, Луко-нин, Ахмадулина**, а еще ранее **Кирсанов, Сельвинский** находили себя в синтезе слова и сцены, поэта и актёра. У **Евтушенко** это стало основой поэтической манеры. Вознесенский «взрывал» политехнический. Но это в Москве, а в Хабаровске всё было под контролем негнбимых партийцев. О Вознесенском даже не упоминали, зато стали пренебрежительно говорить о Евтушенко. Литераторы, путающие **Северянина** с сервелатом, подсчитывали гонорары от книг, тиражам которых вполне могли бы позавидовать звёзды знаменитого ансамбля «Битлз», а блестящий поэт-интеллектуал Михаил Петросов не допускался к издательской кухне даже на пушечный выстрел.

Возможно, предчувствуя трагическую судьбу поэта, в своём, посвящённом ему стихотворении я написал:

*...У вас напечатаны книжечки,
Томики и тома.
А он, если только выживет,
Тут же сойдёт с ума.*

Стихотворение, посвящённое Петросову, было написано в 1988 году, летом. До гибели «последнего акмеиста» оставалось ровно восемь лет... Во время горбачёвской оттепели Михаил Петросов вдохновенно читал в Доме актёра, расположенном этажом ниже, свою поэму «Ночь Самоде-ржца». Прекрасное было время! ЛИТО становилось популярным. Здесь организовывались семинары, интересные встречи с учёными, филологами, актёрами, художниками и композиторами. До сих пор я поддерживаю дружеские отношения с **Геннадием Зулитовым**, великолепным джазменом, виртуозом гитары и синтезатора, в свои молодые годы игравшим в оркестре самого **Бени Гудмана**.

Нередко заглядывал на огонёк ЛИТО интеллигентный

Здание хабаровского отделения СП России. Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск

врач **Евгений Сорокин** со своей очаровательной спутницей Юлией. В перерыве Женя вдохновенно играл на пианино регтаймы, извлекая из старого облупленного инструмента незабываемые импровизации. Старик **Дюк Элингтон** наверняка одобрительно улыбнулся бы Сорокину, покачивая головой в такт музыке.

Даже сейчас дух того времени я ощущаю почти физически. Акмеизм Петросова, запредельная заумь Дудкина, хмурое недовольство несовершенством мира Стогняя, сказочный «Король москитов» Баскина, самобытная и пронзительная метафора Самандина – всё это неповторимо и навсегда останется в моей памяти. Да разве можно забыть такое:

*Там, где сны на соснах старых
И на пнях зелёный мох,
В чьих-то брошенных кошмарах
Время сохнет, как горох...*

Это четверостишие из стихотворения Андрея Самандина «Ночь чудес».

Мы ярко горели, видимо, масло в огонь подливал лозунг «не велено пущать», а может быть, мы предчувствовали время не лучших перемен...

Так хорошо начавшиеся публичные выступления закончились для меня внезапно. Я был отлучён от писательской кормушки раз и навсегда. На очередное выступление моя кандидатура была включена в не очень удачно подобранную команду: заслуженный художник **Высоцкий**, детский поэт **Борис Копалыгин** и **Елена Неменко**, также пишущая стихи для детей. За нами приехала старенькая «Нива», и мы покатали за город, в лагерь отдыха молодёжи комсомольского актива. В празднично убранном актовом зале клуба были заняты почти все места. Мне понравились лица и форма комсомольских вожаков – она была на манер военно-полевой и, как положено, с новенькими хрустящими ремнями портупеи. Кто-то за кулисами тихонько

пошутил: «Как надену портупею, всё тупею и тупею». Я думал иначе – форма дисциплинирует. Молодые люди с интересом и ожиданием смотрели на сцену. После короткой жеребьёвки мне выпала честь заканчивать творческий вечер своим выступлением. А начался вечер длинным и сбивчивым рассказом художника о выездах на пленэр и о своём многолетнем творчестве. Рассказ, не подкреплённый живописными полотнами художника, вызвал в зале откровенную скуку. Детские стихи не исправили положения. Поэты просто не были готовы к такой аудитории. Лагерь был далеко не пионерским. Наконец, объявили мой выход. Я рванул с места в карьер и обрушил на головы уставших от дрёмы комсомольских активистов «Любовь городов». Зал заметно оживился, на лицах появились улыбки. После каждого нового стихотворения все дружно аплодировали. Такой поворот дела был малоприятен для закончивших своё выступление сеятелей разумного, доброго и вечного. Особенно волновалась Неменко. Для неё самой заветной мечтой было членство в Союзе писателей. Елену можно было понять – тогда члену СП полагалось 26 квадратных метров дополнительной площади для кабинета, множество льгот и привилегий. «Инженеры душ» свободно печатались в толстых журналах и выпускали свои книги за счёт государства. Средний тираж того времени – 100 000 экземпляров. Смешно сравнивать нынешние тиражи книг, тем более что книги сейчас, как правило, выпускаются за счёт автора...

Закончив своё выступление, я собрался откланяться и уйти со сцены, тем более что мои товарищи по перу гневно указывали на циферблат наручных часов – лимит времени был исчерпан. И всё было бы хорошо, но один дотошный комсомолец, сидевший в первом ряду, задал вопрос: «А пародии вы пишете?» Мне бы надо было дать отрицательный ответ и, отшутившись, уйти со сцены, но меня понесло. «Поэт должен уметь всё!» – радостно крик-

нул я в микрофон. По сути, тогда у меня была всего одна пародия на довольно-таки большое и пошловатое стихотворение **Ларисы Васильевой**, известной московской поэтессы. Называлось оно «Ненавистнику женской свободы» и мастерски было написано. Но то, что проповедовала Васильева в своём опусе, резко зацепило меня. К сожалению, у меня давно уже нет того альманаха – «День поэзии», за 1983 год, в котором было опубликовано столь фривольное стихотворение. По памяти я могу воспроизвести только первую строфу:

*Ненавистнику женской свободы
Я желаю прекрасных побед,
Беспрепятственно ясной погоды,
Проливающей истины свет...*

Последнюю строфу я взял для эпиграфа стихотворной пародии. Итак,

Пародия на стихотворение Л.Васильевой «Ненавистнику женской свободы»

Публикуется впервые.

*Хоть сгони нас в единое стадо,
Хоть рассыпь, ненавистно любя,
Но о нас даже думать не надо.
Бедный мальчик, мне жалко тебя.*

Л. Васильева

*Стадной особи в небо дорога,
Пусть летит, разговор не о том.
Прокричать мне хотелось с порога,
Как владеет она мужиком.*

*Тайна ночи – загадка Вселенной,
И в космический век решено:
Волю чувствам, свободу изменам –
Животворное помни зерно!*

*Здесь превыше закон разнотравья,
Зажимайте ладонями крик –
На земле изменить я не вправе
Поэтический женский язык.*

Зал рукоплескал. Откланявшись, я сошёл со сцены. Через несколько дней меня срочно вызвали в Союз писателей. Лица собравшихся ответственных литераторов в кабинете **Павла Халова** не предвещали ничего хорошего. Меня обвинили во всех смертных грехах. Председатель бюро пропаганды литературы громоподобным басом высказал своё возмущение моим поведением. Он сказал, что Елена Неменко чуть не упала в обморок, когда я читал свою пародию в пионерском лагере детям. Я заметил, что лагерь был далеко не пионерский и в зале сидели отнюдь не дети, но мои доводы не принимались во внимание. Кто-то из ответственных попросил зачитать злосчастную пародию, поскольку в подборке для выступления её не было, что значительно усугубляло мою вину. Когда пародия была мной озвучена, предъявили новое обвинение: какое я имел право писать пародию на саму Ларису Васильеву?! Никто из обвинителей не хотел понять того, что я выступил против безнравственности, против блуда, о котором так смачно поведала Л.Васильева в своём стихотворении.

Я давно простил всех своих обидчиков, но мне интересно, кто доносил и писал клеветы? Так неужели Алексей Карлин был прав, заявив мне как-то в приватной беседе, что даже при нынешней «демократии» в любом зале, где выступают поэты, сидит свой стукач.

Кажется, в 1994 году хабаровское отделение СП и редакция журнала «Дальний Восток» переехали в другой особняк дореволюционной постройки – по переулку Капитана Дьяченко. Несмотря на смену политического строя в России, ситуация в рядах СП практически не изменилась. Бессменный председатель правления Хабаровского отделения СП **Михаил Феофанович Асламов**, недавно отметивший своё восьмидесятилетие, естественно, остался на прежней должности. Некоторые молодые авторы язвительно шутили, дескать, Михаила Феофановича помнил ещё сам Пётр Комаров, ушедший в мир иной в 1949 году. По какой-то неведомой причине известный на всю страну журнал «Дальний Восток» отделился от местного отдела СП, и, если бы не писатель **В.М. Фёдоров**, ныне покойный, занимавший тогда пост главного редактора, журнал имел бы печальную перспективу уйти в небытие следом за Фёдоровым.

Но оставим в покое журнал и вернёмся к проблемам литературы в Хабаровском крае. В Хабаровской писательской организации осталось всего два человека – её мужественный председатель, всё тот же М.Ф. Асламов, и **Наталья Костюк**, вместившая в себя все должности и обязанности недостающих работников. Литературное объединение имени Петра Комарова прекратило своё существование ещё в конце бандитских девяностых. И что же мы получили взамен? Несколько мелких литературных группировок: «Метаморфозы» (руководитель **Г. Дорошенко**), «Содружество» (руководитель **Артём Иванов**), претенциозный и бездарный «Платиновый век» (руководитель **Галина Ключникова**)... И ещё много малоизвестных объединений. Приведу несколько названий: «Лира», «У камина», «Хромой Пегас», «Падший Орфей» и группа любителей нецензурной брани, выпускающая Альманах ненормативной лексики «Прости». Простить можно, да и надо прощать людей, ибо не ведают они, что творят. Но как и чем восполнить огромный пробел в литературе по причине трагической гибели талантливых поэтов и прозаиков, загубленных системой, так и не вступивших ни в одну из этих сладкоголосых групп и объединений?! Как писал поэт **Александр Блок** на исходе своих земных дней: «Поэт должен быть один». А ведь ещё тогда, в начале девяностых, до образования этих бесполезных местечковых ЛИТО Михаил Петросов пророчески написал:

*О, как взлетели нынче мы высоко!
Наш ум познаньем истины согрет.
Мы заменили Александра Блока
Американским блоком сигарет.*

В начале своей статьи я говорил, что ко всему происходящему в жизни надо относиться с известной долей юмора. Только почему-то, глядя на происходящее, хочется не смеяться, а плакать. Но есть надежда, что новое поколение литераторов, которым сейчас всего лишь за двадцать, пойдёт своим путём и сможет в итоге поднять дальневосточную литературу до высокого уровня, как это было во времена Петра Степановича Комарова.

Post scriptum.

На отчётно-перевыборном собрании, состоявшемся весной этого года, председателем правления Хабаровского отделения СП был вновь избран Михаил Феофанович Асламов.

«За скользкою наледью входа...»

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

«Правда» и «достоверность» в стихах Виктора Шостко

«Довольно кукситься, бумаги в стол засунем» (О. Мандельштам). Тем более, что «стихи пройдут, и даже раньше, чем истлеет бумага» (В. Розанов).

Сплошь и рядом предлагают нам стихотворные произведения, лишённые той вековой основы, имя которой – *сердечное внимание к ближнему* (а это *внимание*, ежели говорить канцелярским языком, *тоже* один из «компонентов» стихотворчества). Я понимаю, что озвучиваю слишком уж прописные истины, но в том-то и дело, что они – *прописные*, то есть прошедшие строгий отбор временем. А мы – не то что забываем о них, но – как бы подсмеиваемся: это, мол, известно каждому, скажи-ка что-нибудь новенькое.

И прёт из нас это «новенькое», – так закрутим метафору (или что там ещё?), что до сути не просто не докопаться, – автор сам ногу сломит, выбираясь из лабиринта собственных ассоциаций. И нарастает стихотворное «мясо» само по себе, без той стержневой основы, на которой стоит вся русская поэзия. И бесхребетность эта зиждется на патологическом внимании – только! – к своему «Я» и – только! – к тому, что к этому «Я» поближе лежит. Более того: зачастую мы наблюдаем этакое, я бы сказал, литературные перевёртыши: автор настолько разумен и начитан, что понимает необходимость разговора – в стихах – о «правде», «доверительности», «сострадании», – будучи сам начисто лишён сих даров.

Как тут не вспомнить слова Карамзина почти двухсотлетней давности: «...многие другие авторы, несмотря на свою учёность и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает её».

Слава Богу – слова эти не имеют отношения к стихам Виктора Шостко, о которых пойдёт речь.

Наверно, другой литератор, взявшийся за «разбор» этих стихов, не упустил бы возможности «покритиковать» их *построчно*. Хотя вряд ли найдётся автор, безупречный с этой точки зрения. Действительно, «*бегущее зеркало сонных высот, неведомых дум колыбель*» – это, конечно же, река, увиденная романтическим поэтом, который однажды и навсегда открыл нам и «ковёр цветов», и «жемчужные капли», и многое другое. Но главное в стихах Виктора Шостко не это.

К сожалению, скажу, стала «хорошим тоном» некая практика и восприятия, и писания стихов, когда любованные отдельной строкой, метафорой (или порицание их

не позволяет рассмотреть то главное, что побудило автора «взять в руки перо».

Отзывчивость души (конечно, звучит это несколько архаично) – вот что отличает стихи Виктора Шостко от множества других, быть может, более виртуозных.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы уличить хотя бы Кольцова или Некрасова в *построчной* «непрописанности». Однако многие учёные критики (да и стихотворцы тоже) стали забывать о живейшей необходимости *пространства* в русском стихотворении, о некоем протяжённом поле, на котором и должно развиваться стихотворное действие. У нас есть великолепные поэты, стихотворное пространство которых заключается в одной сжатой строке; в лучшем случае – в строфе; но стихотворение целиком выглядит уже рукотворной мозаикой. И – чем дальше от «эпицентра», тем слабее энергия, тем меньше воздействие её на читателя. Можно озвучить имена Пастернака или Иосифа Бродского, – думаю, понятно, о чём я говорю.

Мы сейчас, ослеплённые блеском подобной поэзии, несколько подзабыли о том, что *поэтическая повествовательность* есть доверительный разговор с читателем, который ищет вашего сочувствия и готов сочувствовать с вами. Вот из такой повествовательности, из непритязательной прозы и прорастает поэзия Виктора Шостко.

*Замёрзшие ветви скрипели,
Рассвет прижимался к стеклу.
Отец мой вставал еле-еле,
С трудом обувался в углу.*

*Дощатые двери сквозили,
Отец запивал порошок
И кашлял – как рвут в магазине,
Отмеряв, сатина кусок.*

.....

*Куда ему против метели!..
О, как в тот мучительный час
Его беспощадно жалели
Три пары проснувшихся глаз!*

*За скользкою наледью входа,
За выросшей глыбой крыльца
Отца ожидала работа.
А мы дожидались отца...*

Это стихотворение – ключ ко всей подборке Виктора Шостко. Есть у него и «просто лирические» стихи, есть и «экзотические», с потугой на философичность и «красивую» поэзию, где «к виску притронется рука, и пальцы о б м о р о з т мелом». Но главное в его стихах, как ни крути, – *правда*, которая отнюдь не сестра литературной *достоверности*.

Пусть первое слово несколько подзатёрлось, но значение его во времени не у малеется. И, положа руку на сердце: много ль мы встречаем в современной поэзии этой самой *правды* (или хотя бы её отголосков), которая всегда была (и должна быть!) сутью и основой русской поэзии?

В своей речи о Пушкине И. С. Тургенев воспроизвёл такие слова Проспера Мериме: *«Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так и это, пожалуй, возьмут в придачу»*.

Слишком уж часто наши стихотворцы забывают о том, что пишут они *по-русски*, что большая часть энергии, несущая их, – это энергия многовековой русской поэтической традиции, и, отвергая истоки, они стараются уподобиться хоть... тем же французам, о которых обмолвился Мериме, – лишь бы ни на кого не быть похожим: лирическое «Я» аж пищит от нетерпения.

Подобные тенденции зачастую «гасят» рост здоровых побегов. Сколько требуется труда и упорства, чтобы преодолеть весь этот блеск, отбросить ложную поэтичность и заговорить в стихах человеческим языком! Виктор Шостко находится сейчас на таком пути.

В связи со стихотворением «Нам сохранила киноплёнка» хочется вспомнить поистине страшную «Блокадную книгу» Гранина и Адамовича. Думаю, что для глубоко чувствующего читателя любое художественное произведение о Блокаде – после этого потрясающего документа – будет выглядеть блёклым. Проблема не из последних. Потому так остро ставит её в статье «Документ в современной литературе» П. В. Палиевский. Он пишет: *«История даёт то, что было, литература – то, что могло быть. Это отношение, которое определил ещё Аристотель, стало восприниматься теперь, после всех потрясений, вот с какой стороны: раз оно могло быть, но не было, значит в нём чего-то не хватало. Возможностей, в конце концов, всегда много. Они колеблются, обещая что угодно, и воображение готово их развить. Остаётся, однако, вопрос, почему одни из них осуществяются, а другие, и в том числе очень глубокие и прекрасные, нет. Поэтому современная трезвость, относясь к литературе с прежним уважением, стала дове-*

рять ей меньше. Это похоже на отношение к человеку, который беспомощен, хотя и “всецело прав”».

Вот и Виктор Шостко (если уж говорить ближе к нашей теме) зачастую выглядит в своих стихах «беспомощным, хотя и всецело правым».

Меня потрясло, сколь мучительно-глубоко ощущает он изначальную (только ли социальную?) несправедливость нашего мира, против которой испокон веку восставали многие великие мыслители. Есть у него стихотворение, которое называется «Талант». Я не сказал бы, что оно «не прописано», «не продумано» и – уже тем более – «не прочувствовано». Скорее – мысль здесь не донесена до читателя в силу некоей терминологической путаницы. Не о таланте как таковом, конечно же, идёт речь – как об изначальном даре, как о редкой способности к определённом художественному действию. Здесь даётся та же дилемма, что и у Пушкина в стихотворении «Поэт и чернь», но с той разницей, что чаша сочувствия у Виктора Шостко перевешивается в сторону «черни»: «неталантливых», то есть – попросту – людей, в силу природных данных, не умеющих *художественно* выразить себя, однако мыслящих и чувствующих зачастую много глубже иного стихослагателя, пусть и «талантливого». И потому «мысль изреченная есть ложь» лишь тогда, когда она не пережита всей поэтической и человеческой судьбой.

Конечно же, Виктор Шостко – один из многих, кому «спать не даёт» проблема несоответствий – на любом уровне и в любой сфере бытия и быта. Однако не забудем, что все социальные катаклизмы происходили именно «благодаря» этому острому чувству несправедливости и что даже написанию пресловутого «Капитала» дало импульс, кроме всего прочего, именно это чувство. А оно, скажу, тоже своего рода дар, талант, который, к сожалению (или к счастью?), даётся не каждому.

Автор рисунка неизвестен

«...Служил действительную во флоте...»

Галина УЛЬЯНОВА,
старший научный сотрудник
Всероссийского мемориального
музея-заповедника В.М. Шукшина

**«Большой поклон всему Военно-Морскому Флоту
от матери Василия Макаровича!»**
(Из письма М.С. Куксиной сослуживцам сына)

Летом 1977 года черноморские моряки прислали Марии Сергеевне в город Бийск, где она жила, бескозырку.

Какой это был подарок для матери, лучше всего сказала она сама в письме к сослуживцу сына Владимиру Мироненко.

«...Большое спасибо вам за бескозырку. Поплакала я над ней, приставила к бескозырке рубашку матросскую суконную... Вот бы приставить ещё и головоньку дитятка любимого...»

Ещё один товарищ Шукшина по флоту Владимир Жупина вспоминает:

«Василий Макарович никогда не жаловался на здоровье, хотя по внешнему его виду можно было заметить, что с ним не всё благополучно...»

«...Как-то корабли Черноморского флота готовились в поход в Болгарию и Албанию с дружеским визитом. Это был один из первых выходов наших боевых кораблей за пределы своих вод в послевоенный период... Группу лучших радистов откомандировали на один из кораблей для опробования нового вида полученной техники. Среди радистов был и В.М. Шукшин.»

Но не пришлось Василию побывать в Болгарии и на Адриатике. Он был с корабля направлен в госпиталь».

Это произошло осенью 1952 года.

А призван-то В. Шукшин в армию в 1949 году. Как прошли эти три года? Попробуем проследить.

В алфавитной книге переменного состава Специальных курсов ВМС записано: «Шукшин Василий Макарович, матрос, ученик-радист, личный знак № 297, зачислен в часть приказом от 30.8.1949г. № 324; 1929 года рождения, русский, слесарь, беспартийный, 7 классов, призван 20 августа 1949 г. Ленинским райвоенкоматом Московской области в в/ч 22966...»

И ещё: в официальном документе Центрального военно-морского архива есть такая запись: «Василий Макарович Шукшин в 1949 году призван Ленинским РВК Московской области, службу проходил в Балтийском флотском экипаже, в 1950 году окончил по первому разряду специальные радиокорсы и в 1950–1952 г.г. служил в одной из частей Черноморского флота как радист».

«Учебку» Шукшин проходил в г. Ломоносове Ленинградской области. И уже в первый год службы в приказе Специальных курсов ВМС от 23 февраля 1950 года значится:

«...В ознаменование 32-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота за отличные успехи в боевой и политической подготовке объявить благодарность матросу Шукшину В.М.».

А приказом от 18 июля 1950 года Шукшин отправлен «для прохождения дальнейшей службы на флоте г. Севастополя».

И служба, действительно, до декабрьского приказа 1952 г. проходила на Черноморском флоте. Приказ этот до сих пор хранится в Центральном военно-морском архиве.

«Радист, старший матрос Шукшин Василий Макарович, рождения 1929 г., срока службы 1950 г., беспартийный, образование 9 классов, русский, рабочий, холост. 17 декабря уволен из Военно-Морских Сил Союза ССР по болезни, согласно свидетельству о болезни... признан: негоден к военной службе с исключением с учёта – направляется в распоряжение Сrostинского РВК Алтайского края».

Об этом, матросском периоде В.М.Шукшина, написано не так уж и много. Особенно в первые годы после его смерти. Даже в таких серьёзных исследованиях жизни и творчества нашего земляка, как В. Коробов, можно найти несколько фраз: **«...овладел специальностью радиста. Как радист плавал по морям».**

На самом же деле «по морям» Шукшин-матрос не плавал. Его служба проходила в легендарном городе Севастополе, на суше. Но у этой суши было имя – крейсер «Лукомск» («Лукомский»). Это по названию хуторка, где располагалась часть. Моряки (это же молодые парни, в первые послесюветские годы), видимо, все хотели быть «морскими волками». Хотелось «форснуть» перед родными, друзьями, конечно, и, в первую очередь, – перед девушками. Потому в письмах домой называли своё место службы кто «крейсером», кто «эсминцем».

Вот так и Мария Сергеевна, мать Василия Макаровича

**Балтийский флот, г. Ломоносов,
учебное подразделение, 1949 г.**

Черноморский флот, г. Севастополь, В.М. Шукшин стоит крайний слева, весна 1952 г.

наверняка по письмам сына была убеждена, что тот служит на корабле под названием «Эсминец».

Убедить её в обратном было невозможно, она не принимала никаких доводов. А когда кто-то из сослуживцев сына осмелился ей написать, что Вася не «плавал по морям и океанам» (он нёс службу на берегу, на довольно сложной, по тем временам, аппаратуре, держал связь с кораблями, ушедшими в море), мать в ответ написала гневное письмо, в котором была такая фраза: «Это он не о моём Васе говорит». Она так обиделась, что даже не захотела отвечать адресату, а выразила своё возмущение человеку, которому доверяла, с кем долго переписывалась, – Михаилу Лезинскому. Именно он собирал бережно и кропотливо скупые материалы о годах службы Шукшина.

То, что служившие вместе с Василием Макаровичем моряки, посылая домой фотографии, подписывали на них: «Крейсер Лукомский», подтверждается во многих воспоминаниях.

Ещё одно важное сообщение находим у Владимира Жупины:

«Молодые радиотелеграфисты разделялись по сроку службы и опыту... Старший по службе учил младшего, а тот в свою очередь – новичка. Нам, молодым, в апреле 1951 года была присвоена квалификация «третий класс», а Вася Шукшин повысил свои знания до уровня «второго класса» и получил звание «старший матрос» с назначением на должность командира отделения – старшего радиотелеграфиста...»

Это была группа старшины второй статьи Василия Ермилова.

Я думаю, самое время сказать **«о службе морской, о дружбе большой»** двух Василиев. Этот факт подтверждают товарищи по флоту Николай Шмаков и Валентин Мерзликин:

«...Василий Матвеевич Ермилов был в дружеских отношениях с Шукшиным... Эта дружба, начавшаяся в Севасто-

поле, продолжалась затем долгие годы в Москве, когда Шукшин стал известным актёром и писателем. Это, возможно, была не только дружба, это было родство душ, ибо Василий Ермилов – самобытный талант: старший лейтенант флота в запасе, наладчик токарно-револьверных станков в московском объединении «Фотон» (после увольнения в запас), художник», я бы добавила: от Бога.

В 1991 году, зимой, мне тоже посчастливилось встретиться с этим интересным человеком. Вечер общения с ним пролетел незаметно, понятнее и ближе стали многие факты биографии Василия Шукшина именно благодаря рассказу Василия Ермилова о своей, очень нелёгкой жизни.

Бывший детдомовец (круглый сирота), Василий Ермилов всю жизнь пытался найти хотя бы одну родную душу, родного человека, но, увы, ...безуспешно. Эта боль постоянно жила в нём, мучила. С

ней, этой болью и одиночеством, он и ушёл из жизни уже много лет назад...

«Василий Ермилов был очень толковым младшим командиром, – вспоминают сослуживцы. – Благодаря его уважительности, никто из нас не чувствовал себя угнетённым...»

В годы Великой Отечественной войны Вася Ермилов (он с 1928 года рождения) вместе с детским домом был на какое-то время эвакуирован на Алтай, в город Славгород.

Может, это и сблизило Василия Шукшина и Василия Ермилова – **Алтай?**

И ещё – **«безотцовщина»** первого (отец Шукшина Макар был арестован в конце марта 1933 года, а через месяц после ареста расстрелян как «враг народа») и – **круглое сиротство** второго.

Сам Ермилов в разговоре со мной называл себя «Иваном, родства не помнящим». В этой шутке слышалась горечь и тоска.

...Спустя какое-то время после нашей встречи с В. Ермиловым в Москве, я получила от него большое письмо на четырёх листах писчей бумаги...

В нём есть такие строки:

«Мы знали друг друга по службе на флоте. Делили всё поровну: все удаchi и прелести флотской жизни. Я – старшина, он – старший матрос. И как старшина я всегда питал искреннюю любовь и уважение к деревенским ребятам. Ценил их упрямство, скрытую замкнутость, силу и волю и всегда был уверен, что с ними идти в разведку можно, ни в чём не сомневаясь...»

Такую же мысль о Шукшине-матросе высказывает мичман запаса Владимир Жупина:

«В первое после знакомства время Василий Шукшин произвёл на меня впечатление хмурого и на удивление, молчаливого парня. На самом деле, как я убедился впоследствии, он, хотя и казался несколько замкнутым, был по-крестьянски добрым, чутким человеком.»

Хочется отметить его чрезвычайную работоспособность. Ему никогда не приказывали дважды, и, будьте уверены, работу его никогда не переделывали...»

Свою замкнутость, даже скрытность, объясняет и сам В.М. Шукшин в статье «Слово о «малой родине»:

«Я долго стыдился, что я из деревни и что деревня моя, чёрт знает, где далеко. Любил её молчком, не говорил много. Служил действительную, как на грех, во флоте, где в то время, не знаю, как теперь, витал душок некоторого пихонства: ребятки в основном все из городов, из больших городов, я и помалкивал со своей деревней. Но потом – и дальше в жизни – заметил: чем открытее человек, чем меньше он чего-нибудь стыдится или боится, тем меньше желания вызывает у людей дотронуться в нём до того места, которое он бы хотел, чтоб не трогали. Смотрит какой-нибудь ясными-ясными глазами и просто говорит: «вяцкий». И с него взятки гладки. Я удивился – до чего это хорошо, не стал больше прятаться со своей деревней. Конечно, родина простит мне эту молодую дурь, но впредь я зарёкся скрывать что-нибудь, что люблю и о чём думаю. То есть нельзя надоедать со своей любовью, но как прижмут – говорю прямо».

Это признание Шукшина объясняет и то, что в графе «адрес родственников» указал: Московская область, Щербинки Московско-Курской ж. д., горем №15».

Довольно интересно и творчески талантливо, тем более, если учесть, что в Московской области у Шукшина не было ни единой родной души.

Бывший командир отделения Николай Шмаков характеризовал матроса-радиста Шукшина:

«Он сразу привлёк внимание своей серьёзностью, взрослостью, был старательным, работающим, работал молча, сосредоточенно. Несмотря на отсутствие достаточного опыта, нёс вахту наравне с лучшими специалистами. Потому неудивительно, что вскоре он повысил свой класс.

Выделялся он среди других и характером. В общении с товарищами был немногословен, пустословия не любил, однако его уважали. Много читал, посещал Морскую библиотеку, а вот писал ли что, сказать не могу...»

А вот другой товарищ по службе Валентин Мерзликин подтверждает, что Шукшин уже тогда писал.

«...Ни от Сашки (Маевского), ни от меня он никогда не имел секретов. Мы знали тогда очень много, чего многие из нас не знали. Но не знали, что он пишет. Что мечтает стать писателем, актёром... Наконец, о том, что он разучивает... «Гамлета, принца Датского».

Не обижайся, друг, я считал и считаю тебя прекрасным товарищем (обращаясь к Николаю Шмакову), но в чём-то ты ему не показался, а возможно, и разница в «чинах и рангах».

Мы же в то время были единомышленниками и единовременцами: все трое хотели учиться, все пробовали писать, все стремились понять и познать жизнь... Он (Шукшин, – автор.) читал мне первые свои три рассказа: «Разыгрались же кони в поле», «Двое на телеге», название третьего я не помню. Прежде чем они были опубликованы, минуло 7 лет. Первые два я узнал не по названиям, а по сюжетам. А третий... я только помню, что речь шла о каком-то пьянчужке, который целый день молотил то ли лён, то ли коноплю за ведро водки.

Язык был ужасен, сплошь вульгаризмы. Эту сцену, только переделанную, я отыскал у него в романе «Я пришёл дать вам волю»...

То, что Шукшин и на службе уже писал, подтверждает Владимир Жупина:

«...Но со временем в кругу служивых пошёл разговор, что Шукшин «заболел на писательство».

Доверившись мне, Василий читал краткие рассказы, эскизы и очерки из крестьянской жизни. Писал о себе, о своих односельчанах. На стадионе мы устраивались на траве, и он говорил: «Послушай!»

Прочитав два маленьких рассказа, он никогда не допытывался, что я думаю о них. Мне кажется, что читал больше для того, чтобы кому-нибудь почитать. К тому же он знал, что я не посмеюсь над ним, ни в чём не упрекну его... Но такие минуты доверительного чтения были очень редки...»

Значит, всё-таки писал, и тексты учил, и в драмкружке участие принимал, и даже какое-то время руководил этим кружком...

Друзья-моряки с недоверием отнеслись даже к автобиографическим строчкам самого Шукшина: «...Автобиографический техник кинул, ибо не понимал поведения поршней в цилиндрах...»

После такого заявления и в литературных кругах отчасти сложилось мнение, что, действительно, не всем дано, тем более если человек – чистый гуманитарий. Сослуживцы все в один голос заверяют, что «старший матрос Шукшин изучил более сложную технику, чем «поршни в цилиндрах». Он по косточкам мог разобрать и собрать сложнейшую радиотехническую аппаратуру, став радиотехником высшего разряда, обогнав многих своих ровесников, чистых технарей по складу ума».

И ещё выводы и убеждения моряков-сослуживцев: «Служба в армии и на флоте никогда не была лёгкой в физическом и психологическом отношении. Но именно на флоте и окрепла вера Шукшина в справедливость. Вера, израненная в детстве».

Или ещё: «Можно смело утверждать, что на Черноморском флоте Василий Шукшин, задолго до высшего кинематографического образования, закончил настоящий, не менее высокий, «матросский университет», плюс высшие курсы сердечной благожелательности».

Дружба с сослуживцами-моряками у Шукшина (как это часто бывает после демобилизации) оборвалась. Но с одним из них она возобновилась в Москве и продолжалась до конца жизни. Это уже выше упомянутый Василий Ермилов.

«Васе, Старшине 1 статьи, Ермилову, в знак памяти и дружбы

Василий Шукшин. Февраль 1965г.»

Так подписана «Трудная книга» писателя Григория Мединского, причём на той странице, где эпиграфом приведены слова Феликса Дзержинского:

«Идти вперёд можно лишь тогда, когда шаг за шагом отыскиваешь зло и преодолеваешь его».

Это, действительно, говорит о многом. О родстве душ двух бывших моряков, взглядов на жизнь... Об этом родстве пишет и сам Василий Матвеевич Ермилов: «Я рассказал ему многое о себе, о своём сиротском детстве, о работе, о любви и своих идеалах и убеждениях, которые полностью совпадали с его взглядами и убеждениями. Единственно, что я чувствовал, а иногда в душе было беспокойно, что я отстаю от него образованием...»

Держался я с ним запросто, как и он со мной. Мы говори-

ли обо всём смело, не стесняясь и не боясь друг друга, хотя наши встречи были не так часты...

Он заставил меня взяться за кисть, оценив мой природный талант, когда увидел мою первую картину «Три грации». Часто советовал поступать в училище (художественное, – **авт.**) и заниматься иконами...

В фильмах «Печки-лавочки» и «Ваш сын и брат» он показал мои работы. Заказал и сам три портрета: деда, бабки и матери за 75 рублей. Сделал я ему за один присест, и в один вечер пропили мой заработок. Так он дал мне честно заработать. О нём можно писать до бесконечности...»

Эти строчки абсолютно достоверны. Василий Ермилов мастерски делал копии картин (портреты) известных художников и с фотографий.

В. Шукшин заказал ему в 1965 году портреты своих деда с бабкой по материнской линии (Поповых Сергея Фёдоровича и Агафьи Михайловны), а также портрет матери (Марии Сергеевны). И, думается, не только для того, чтобы, как пишет Ермилов, «дать честно заработать». Нет, не только поэтому. Доверял другу как художнику. Верил в его талант. Знал, что напишет от души. Портреты хранятся в музее В.М. Шукшина в Сrostках. Не просто хранятся. Портреты деда с бабкой находятся в постоянной экспозиции Дома матери.

Тогда, в феврале 1991, при встрече с Василием Матвеевичем и долгом разговоре с ним, я не только узнала много нового, интересного, но привезла в музей книгу В.М. Шукшина «Земляки», подаренную В.М. Ермилову, вот с таким автографом:

«Василию Ермилову, прообразу Пашки Колокольникова, на память.

В. Шукшин. 22 май. 1971 г. Москва».

Всё становится понятно и в отношениях друзей, и никаких сомнений по поводу того, с кого же взят образ шофёра Чуйского тракта, который на своей «полutorке развозит людям счастье» в фильме Шукшина «Живёт такой парень».

И ещё одну очень ценную вещь передал тогда Василий Матвеевич – зажигалку-кораблик, которую Шукшин подарил ему на 45-летие в память о службе.

Многое связывало двух Василюев, но самым крепким, наверное, был **«морской узел»**.

О службе Василий Макарович говорил очень мало, скупно. Отдельными крупными рассыпаны по его творчеству эти упоминания. Даже в письмах с флота к матери и сестре подробностей почти нет. Не любил хвастать, да и не всё можно было писать. Может, и стеснялся, потому что «по морям и океанам» не плавал.

Самые верные объяснения находим опять, конечно же, у Шукшина в тех флотских письмах, которые считались безвозвратно утерянными.

**Черноморский флот,
г. Севастополь, 1950 г.**

7 января (заметьте, в Рождество Христово) 2002 года нечаянно был обнаружен семейный архив на чердаке одного из домов, где немного жила мать писателя Мария Сергеевна.

Сестре Наташе в декабре 1950 года из Севастополя Шукшин пишет:

*«Ты справедливо упрекнула меня в жалобе на нехватку времени. Действительно, смешно. Прости, пожалуйста. На нехватку времени жалуется тот, кто не умеет использовать его. Я забыл об этом. В отношении нашего старшего: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы. О настоящей жизни (...далее неразборчиво, но можно только догадываться, что писать не может), прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я поклялся **никому и никогда** не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно...*

Могу тебе сказать: у меня всё в порядке...»

И далее, до конца письма, брат проявляет интерес к делам сестры, к учёбе, радуется успехам, даёт советы.

*«А вообще есть у меня для тебя **хороший совет**: смелее во всём, везде и всюду. Смелее! Побеждает тот, кто не думает об отступлении, кто, даже отступая, думает о своём.... Итак, спеши, девушка! Только воля, твердость желаний и желание победить помогут тебе...»*

А вот письмо-поздравление любимой девушке Маше Шумской, которая в августе 1956 года станет его законной женой, правда, ненадолго.

«Поздравляю с наступающим Новым годом!

Желаю в этом году быть здоровой! Отличных успехов в учёбе.

Прочитать 100 полезных книг.

Не знать ни одной минуты отдыха. Кроме 6 часов сна (Чтение не отдых, а посещение театра, кино, беседы с товарищами – суть занятия полезные, ежели они в норме).

Учсть ошибки старого года, ежели таковые были, и не повторять их в Новом году.

Оставить всякого рода сомнения, быть решительной всегда и везде.

*И, наконец, не забывать, что на свете существует **Чёрное море!***

Земляк».

Согласитесь, очень скуп о своём местонахождении и о своих чувствах, но жизненная позиция и целеустремлённость – налицо, редкая для парня 20 лет!

Строчки из письма к матери от 8 февраля 1951 года тоже говорят о многом:

«Я жив, здоров. Изменений особых в жизни нет. Вообще всё, как раньше. Стосковался по вас. Прислали бы мне по

фотокарточке. Как живёшь, вообще. Напиши обо всём. Да, ты как-то спрашивала меня, хочу ли я побывать дома в 52 году. Очень хочу, но отпуск мне будет положен только в 53. И тут уж, мама, ни я, ни ты ничего не сделаем. Потерпим.хлопотать не советую. Кроме того, что из этого ничего не получится, мы ещё можем нажить себе неприятности. В отношении хлопот могу сказать, что хлопочут люди, повыше нас стоящие, однако безрезультатно. Другое дело, если бы я служил в Армии, там гораздо проще. Так что, мамочка, подожди. И 53 год не за горами. Кстати, кое-что сделаем за это время... Целую тебя, родная. Будь здорова! Всё. Василий».

А вот ещё одно письмо к матери, которое подтверждает серьёзный настрой матроса Шукшина на учёбу. Написано оно в августе 1951 года (после отпуска):

«Здравствуй, мама!

Получил твоё письмо, доехал благополучно. Жив и здоров. Есть к тебе очень важная просьба. Мне потребовалась справка из техникума... Возьми с собой справку о том, что я в настоящее время служу, объясни, что бросил учиться из-за недостатка средств... Постарайся, мама, очень прошу тебя. Вот пока и всё. Будь здорова, дорогая моя».

И в этом же письме обращение к сестре:

«Наташа! Учебник иностранного языка нужен английский. Учиться буду самостоятельно, а весной сдавать экстерном. Потребуется ещё кое-какие учебники. Программы по всем предметам, начиная с 8 кл. по 10 кл... В отношении программ постарайся, Таля. Ваш Василий...»

Мудрые мысли, я бы сказала, очень мудрые высказывает Шукшин в письме к своей 20-летней сестре. (А ведь ему самому едва исполнилось 22).

«Кстати, в жизни вообще причин для грусти – нет. О чём можно грустить? И тем более – о чём нужно грустить? Можно ненавидеть, ибо ненависть толкает на деятельность, что очень важно. Можно любить – любовь вдохновляет на деятельность. Но грустить? Грусть, как известно, определяет полное бездействие. Никогда не грусти!»

А о службе опять очень скупые, закодированные строчки даже в письме к матери:

«Жди меня, не скучай, береги здоровье... Ещё раз: береги здоровье! – оно самое ценное и необходимое для человека. Если всё будет хорошо и спокойно, приеду, но чтобы ты была здорова, милая моя. Целую тебя».

«...Письма пишу редко по известной причине -- сейчас ведь лето».

Отпуск? Как ни горько, мама, а не обещаюсь. Это невозможно.

Ты советуешь попросить командира. Родная, ни от меня, ни от него это не зависит. Будем ждать следующего года (Это письмо написано 20 июня 1952 года). Осталось не так уж много. Причём я и тебе не советую там хлопотать. Пустая затея.

У нас сейчас такое положение, при котором отпуск немислим».

О каком положении говорит Шукшин, было всем понятно. Ведь это были послевоенные годы службы. Боялись войны и те, кто служил, и те, кто ждал.

В очень коротком письме в июле 1952 года Шукшин выражает надежды на то, что очередной отпуск ему бу-

дет в 1953 году, и пишет, что среди моряков ходят слухи о сокращении срока службы до 4 лет...

Но... Его служба закончилась гораздо раньше по уже известной нам причине.

В конце декабря 1952-го Василий Шукшин дома, в Сростках. И отсюда в Новосибирск сестре Наташе пишет:

«Здоров. Живу хорошо. Отдыхаю. Погодка здесь январская. Обморозил левое ухо, но...не сдаюсь: шапку не распускаю, **чтобы не опозорить флот».**

Гордость чувствуется, а вот «трёпа» не любил, потому и скуп на слова.

«Ты сначала сделай, потом говори», - по такому принципу жил этот **Человек**.

Хочется добавить, что далеко не каждый из нас способен в 20-21 год сделать серьёзный анализ прошедшей жизни, нужные и правильные выводы и наметить дальнейшие планы на будущее. Не всякому это дано.

Ему, Шукшину, было дано.

Очень рано почувствовал, что может сделать что-то «хорошее и полезное для людей». Эту мысль он высказал в письме к М.И Шумской ещё в 1954 году.

Василий Макарович всю жизнь постоянно чувствовал духовную связь не только с матерью, но и с дедом Сергеем Фёдоровичем Поповым и любил повторять, глядя на его фотографию: «Я – от деда».

А дед, в свою очередь, в маленьком внуке заметил большое будущее и говорил об этом дочери: «Ты этого парнишку-то береги... С него можно много спросить...»

Но точнее, чем мать, Василия Макаровича никто не понял и не оценил. Сердцем своим материнским, умом крестьянским недюжинным, пониманием жизни («...понимает она у меня не менее министра») знала, что нужно сыну, чем живёт и о ком постоянно болит у него сердце.

«У меня много моряков, его друзей по флоту, – общала Мария Сергеевна в письме сослуживца сына Владимиру Мироненко. – Все аккуратно пишут со всего Советского Союза, вроде все в одном круге сидели, все знают, что Вася народ любил...»

Сам Шукшин ещё в романе «Любавины» высказал своё, сокровенное:

«Я теперь понял, что так и надо: всё время быть с людьми, даже если в землю зароят».

Есть и ещё более уважительные и проникновенные слова писателя-гражданина-патриота:

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедом и отцами – стоит ли отдавать его за некий трескучий, так называемый «городской язык», коим владеют всё те же ловкие люди, что и жить как будто умеют, и насквозь фальшивы.

Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Алтайский край, с. Сростки.

Сердцем прикоснись к подвигу

**Борис ТИМОФЕЕНКО,
ученик МОУ СОШ № 57,
г. Владивосток**

конкурс

/по мотивам сборника очерков Г.А. Руднева «На морских дорогах войны»/

Из многих прочитанных о войне книг самой интересной для меня стала книга Георгия Руднева «На морских дорогах войны». Ещё бы! Мой папа рассказывал, что во многих событиях, описанных в ней, участвовал мой прадедушка Евгений Васильевич Соколов, военный помощник капитана.

Я прочитал и об истории принятия закона ленд-лиза (давать займы, сдавать в аренду), именно с ним было связано создание конвоя союзнических судов.

В книге описаны захватывающие истории о наших моряках, участниках знаменитого конвоя «PQ». «С весны 1942 года началась планомерная борьба германского военно-морского флота с союзными конвоями». Удары немецких подводных лодок, авиации, военных кораблей приносили серьёзные потери нашему и союзному флоту. «...Ценой огромных усилий и больших жертв» были оплачены эти грузы, немало моряков и судов торгового флота СССР и союзных стран «нашли вечный покой в суровых водах северных морей». Медалью «За оборону советского Заполярья» был награждён мой прадед.

Он рассказывал внуку, моему отцу, что плавание проходило с наглухо закрытыми и затемнёнными иллюминаторами и дверьми. И не дай Бог появиться на палубе ночью с горящей сигаретой – тяжкое преступление. Спали в одежде и обуви, чтобы в случае тревоги сразу оказаться на боевом посту. Но всё это мелочи по сравнению с сильнейшим нервным напряжением перед реальной опасностью: враг где-то здесь, но пока себя не обнаруживает...

Читая страницу за страницей, я вижу, как мужественно сражались наши моряки, среди которых был и мой прадед. Я испытываю чувство гордости за их бесстрашие и отвагу и чувство ненависти к врагу.

Не менее опасным было судоходство в Тихоокеанском бассейне, где позже (в 1943 году) оказался Е.В. Соколов. Двадцать пять кораблей было потоплено, в их числе и корабль, на котором ходил мой прадедушка.

Горько и обидно сознавать, что его пароход был торпедирован американской подводной лодкой «Софиш». Эти страницы книги я знаю почти наизусть. «17 февраля в 7 часов 45 минут утра (это день рождения моего прадедушки, ему исполнилось тридцать лет) пароход был торпедирован».

Судно затонуло за три минуты. О чём думал в это время старпом Б. Крамской, увидевший три торпеды, стремительно мчавшиеся к судну, боцман М. Семенякин, успевший в мгновение ока сбросить плоты в море, мой прадед, кинувшийся к радиорубке, пытаюсь спасти начальника радиации А. Спинова? Спустя много лет дедушка говорил моему отцу: «Думать было некогда, хотелось выжить,

и мы действовали». Дедушке повезло: на счастье, ему попала под руку доска. Уходящий под воду «Ильмень» образовал огромную воронку, вместе со старпомом они, не мешкая, поплыли к шлюпкам. Невольно представляю себя на его месте, сумел бы я «действовать» и не поддаться панике, спасая собственную жизнь? Пока не знаю ответа, но в любом случае мой прадедушка – лучший пример храбрости и стойкости для меня.

К счастью для всех, капитан А. Могучий принял правильное решение «идти на северо-запад, в район трассы обычного судоходства. До ближайшего берега было около двухсот миль». Спасено было тридцать четыре человека из сорока одного.

Моя бабушка вспоминала, как часто её отец кричал во сне: «Держись, держись! Сейчас откроем!» А когда приходил в себя, то говорил, что опять приснился страшный крик Спинова, начальника радиации, уходящего вместе с судном в пучину моря. Этого в книге нет, это знает лишь наша семья. Ещё мы знаем, по словам бабушки, прадедушка любил шутки, розыгрыши... Даже вспоминая войну, он рассказывал о смешных случаях, а ведь столько пришлось пережить. Дома от его шуток всем становилось весело, он придумывал свои особенные имена родственникам: жену звал «Стёпанькой», младшую дочь «Бомбошкой» и т. д. Очень любил стихи, много знал наизусть, читал запрещённого тогда С. Есенина... Прodelкам его не было конца. Даже на поминках не могли сказать что-либо подходящее ритуалу, невольно улыбались, вспоминая его шутки.

Кроме того, он был трогательно нежным и заботливым, очень застенчивым человеком. Всегда спешил на помощь и по мелочам, и по серьёзным делам. Моя бабушка говорит: «Лёгкий, солнечный человек!»

Эх, я-то знаю его только по рассказам ... Жизнь ему выпала трудная, как и всем, кто прошёл войну. Четыре раза тонул, потерял мать и сестру, долго разыскивал их после войны, получил официальное сообщение о их гибели, очень горевал, а потом узнал, что они живы, но свидетельствовать так и не пришлось. Свою боль он умел глубоко прятать, не обременяя людей своими заботами.

Мне повезло родиться, потому что повезло выжить моему прадедушке. А сколько их, молодых, сильных, замечательных людей, покоится на дне морском!..

9-го Мая мы всей семьёй приходим к памятнику морякам Дальневосточного пароходства, подолгу стоим, каждый думает о своём. А я думаю, когда у меня самого будут дети, я расскажу им о нашем героическом прадедушке. И ещё я думаю, пусть исчезнет навсегда страшное слово – война.

Новая школа как центр духовно-нравственного воспитания молодых россиян

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск

Ты человеком родился, но Человеком должен стать.

Каждому из нас ясно: для того, чтобы быть Человеком, недостаточно уметь есть, спать, читать, писать. Владимир Даль дает следующее толкование: «**Человек** – каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью... Человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, а царство человека. Посему нередко человек значит существо, достойное этого имени. Человек плотский, мертвый едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть...» В современном толковом словаре читаем несколько иное определение: «**Человек** – 1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. // Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т.п. // В значении единицы счёта (людей). 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств». Как видно, со временем незаметно меняются сущностные взгляды на базовые качества Человека. Фридрих Ницше охарактеризовал **Человека** будущего как того, у которого самая длинная память. Сегодня мне близко представление о **Человеке** с точки зрения восстановления им своей родовой памяти и восхождения по ступеням эволюционного роста нравственных качеств. Современные стандарты второго поколения определяют важнейшим направлением развитие «ценностно-смысловых ориентаций и нравственных оснований личностного морального выбора» учащихся. Важно четко разобраться, какое значение мы вкладываем в понимание основополагающих характеристик Человека, ведь от этого и будет зависеть – какой будет Новая школа, какова будет ее главная цель, к какому образу педагога, учащегося она устремлена, что значимей: образовательные услуги или духовное служение учителя-россиянина, культура России или всемирная цивилизация.

Задумываюсь: «Какие перемены необходимы в существующей системе образования для того, чтобы школа

стала новой не по именованию, а по содержанию? Что нужно для смещения акцентов на духовно-нравственное воспитание?». Конечно, это тема долгой работы сердца, ума. Кратко изложу свое видение.

А.С. Солженицын ввел понятие «образованщина» – когда человек знает лишь то, что надо знать, что принято на современном этапе жизни общества, иначе говоря, он натаскан с целью зарабатывания денег: этикет плюс профессиональные умения. В таком случае человек не может выразить себя целостно, проявить человечность, ответственность (в славянском языке ответственность, т.е. осознание своего бытия причиной). Славяне – этимологически ясноговорящие. В основе российского образования должно лежать гуманитарное знание – обучение способности постигать слово, свое «Я», а через это уже потом выходить на специфические профильные знания. Новая школа должна обеспечивать полноту и гармонию во всех видах восприятия, в осознании целостности красоты трех книг: Вселенной, Природы и, самой главной, Человеческой души, совести. Здесь прежде всего важно внимание слову, его историческим истокам, сакральному родовому смыслу. Важно постижение мира через чувства сердца – веру, надежду, любовь, совесть; внимание ценности семьи, рода, Родины; понимание того, что является ценным, а что сверхценным; воспитание благодарности, значимости личности в жизни будущего общества.

Думаю, что для осуществления означенных перспектив прежде всего важен образованный учитель, который и несет детям образы света, любви, добра, целостности. Учитель, сознание которого не ограничено одним лишь предметом, формами и технологиями, а, прежде всего, Человек, любящий детей, отважный, нравственный, широко эрудированный, увлеченный профессией, постоянно изучающий классику.

Шалва Амонашвили пишет: «Любовь надо нести детям с любовью, красиво, изящно, чтобы они приняли ее и воспитывались». В самоанализе новой книги «Как любить детей» он рассказывает о том, каким образом Личность учителя изменила его судьбу, семиклассника, двоечника и прогульщика. Случилось педагогическое чудо! В результате мальчик закончил школу с золотой медалью, стал известнейшим педагогом. Как это произошло?

Благодаря огромной учительской любви, глубокой любви к ребенку, погружению в его жизнь, величайшей вере, а также на основе внимания к ценности слова и изучения классической литературы, культуры народа.

Особо запомнился рассказ о том, как каждый из ребят по поручению учителя нашел летом поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Педагог попросила не забывать, с каким трудом находили книгу – годы были послевоенные. «А дальше произошло следующее: в течение всего года – а это был 1946-1947 учебный год, мы изучали поэму. Читали, перечитывали, размышляли, заучивали наизусть некоторые главы, писали сочинения, эссе, доклады, выписывали мудрости, осмысливали духовно-нравственный облик героев, пытались разобраться в философии Руставели...», – пишет Шалва Александрович. Это был подвиг учителя – если бы наверху узнали об отступлении от программы, последствия бы ждать себя не заставили. Но педагог понимала, что без личного примера смелости, без глубинного погружения в классику невозможно нравственное воспитание – воспитание героя, возвращение доброй памяти как пожизненного воспитателя для человека, воспитание культа Любви, Преданности, Рыцарства, Правды, Добра, Мудрости. Ш.А.Амонашвили резюмирует свой рассказ словами: «Трусливый учитель детей любить не может, ибо он бросит их при любой опасности, он их предаст».

Атмосфера почитания ценности личности, исконных корней, любви, доверия, открытости участников образовательного процесса наиболее благоприятна творчеству как основной ценности познания и, думаю, важнейшей характеристики Новой школы. Бескорыстное творчество учителя, ребенка, ребенка-учителя и учителя-ребенка позволит высветить внутренний мир, создать духовный храм общения взрослых и детей, их родителей.

Восточная пословица гласит: «Полюбите будущее – крылья вырастут». Будем искренне интересоваться учителем, поднимать престиж профессии, заботиться прежде всего о культурной и нравственной наполненности педагога, с одной стороны, а с другой, будем ближе к корням наших великих предков-славян – к величайшей истории, слову, целостному взгляду на мир, на постижение своей значимости, и наша Новая российская школа ощутит внутренние течения объединяющей мудрости. Новая школа должна стать колыбелью настоящего Человека – учителя и ученика, Человека, способного проявить человечность, стать творцом.

Н. МАТЯШ,

**гл. библиотекарь библиотеки им. И.У. Басаргина,
г. Владивосток**

В библиотеке...

– Холодно как, не люблю это время: ни зима, ни осень, темнеет быстро, – говорила, стоя у окна, Нина Николаевна, сотрудник библиотеки Политехнического института, – на душе тревожно-тягостно.

– Что-то ты, Ниночка, совсем расклеилась, – заметила её коллега Елена Сергеевна. – Давай закрываться. Ты формуляры разложила?

– Разложила и книги разнесла.

Нина Николаевна помолчала, вздохнула, отошла от окна и, как бы подведя итог, сказала:

– Вот и ещё один день прошёл, день войны.

Неожиданно с грохотом не открылась, а отлетела дверь, и влетел Миша Березин, студент.

– Всё, успел! Завтра... в шесть... поезд... уезжаю... На фронт!» – выпалил он, прерывисто дыша, и выложил стопку книг.

Нина Николаевна всплеснула руками:

– Господи! А учёба как же? Вы лучший на курсе! И потом – у вас брони!

– Не хочется говорить высоких слов, – заволновался Миша, – но война сейчас важнее. От брони отказался.

– У нас многие отказались, – добавил он.

– А Георгий? – тихо, очень тихо спросила Нина Николаевна. Сердце её рванулось сначала вверх, потом резко вниз. Ей не нужен ответ, ей и так ясно: Георгий не останется в стороне.

Привычным движением взяла книги, нашла формуляр, отметила. А мысли были с ним, с сыном. «Георгий и война, фронт... смерть. Нет!» – со страхом отогнала пугающие мысли и подумала: «Надо что-то сказать этому мальчику, найти слова, душевные, особенные».

– Миша! – голос её дрогнул. – Я не знаю, что вам сказать...

Остановилась, подбирая слова: «Возвращайтесь!» И вдруг, как будто что-то придумала, заговорила быстро, взволнованно:

– А знаете, ваш формуляр я положу в этот ящичек, – она взяла коробку и продолжила: – Вы вернётесь, и мы вновь откроем вашу карточку. – Ей стало легче, словно заговорила его на необходимость вернуться.

Прошёл месяц-другой, Георгий давно был на фронте, писал, хоть и редко, хорошие письма.

А стопочка формуляров ушедших на войну росла и росла...

Сколько бы ни писали, что чувствует мать ушедшего на войну сына, никому не понять, никакими словами не высказать, в каком аду она пребывает от бесконечного томительного ожидания вестей от него. В самые невыносимые минуты страха за сына Нина Николаевна перебирала заветную стопочку, читала фамилии, видела каждого из них. Ей казалось, что и там, на фронте, её мальчик не один, а с этими, «формулярными» ребятами.

Она молилась то ли Богу, то ли судьбе за них за всех и плакала, жалея их молодые жизни...

Шли годы. Закончилась война. Нина Николаевна похоронила сына.

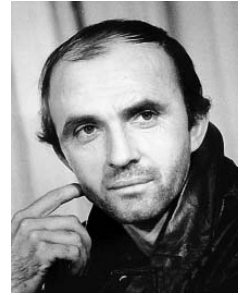
Но он успел стать мужем, отцом и... поэтом, поэтом Георгием Корешовым.

А стопочка формуляров ушедших на войну так и лежала нетронутой. То ли они все погибли, то ли военное лихолетье разбросало их по всему свету, только никто не востребовал тоненькую книжечку. И никто не смел выбросить их, как устаревшие. И только спустя много лет, когда и самой Нины Николаевны не стало, кто-то унёс их и положил в архивную папку.

У карты бывшего Союза...

Николай ЗИНОВЬЕВ,
г. Кореновск,
Краснодарский край

День Победы

Воспетый и в стихах, и в пьесах,
Он, как отец к своим сынам,
Уже полвека на протезах –
Что ни весна – приходит к нам.

Он и страшнее, и прекрасней
Всех отмечаемых годин.
Один такой в России праздник.
И слава Богу, что один.

* * *

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?

* * *

Бог ли всех нас позабыл?
Злой ли дух приветил?
Были силы – нету сил,
Брошены на ветер.
И друг другу стали мы,
Словно псы цепные.
«Колокольчики мои, –
Я кричу навзрыд из тьмы, –
Цветики степные!»

* * *

Что я тебя все грустью раню?
И помыкаю, как рабой?
Давай, душа, растопим баню
И власть попаримся с тобой.

А после сходим к деду Ване,
Пусть он развеет нашу грусть
Игрой на стареньком баяне.
Пускай порадуется Русь.

Услышав чистое, родное,
Узнав знакомые черты,
Как будто платье выходное,
Моя душа, наденешь ты.

* * *

У карты бывшего Союза
С обвальным грохотом в груди
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей,
Как будто закрываю веки
Несчастной Родины моей...

* * *

Парк. Осень. Клёны. Желтизна.
И дно фонтана в паутине,
И облака, как на картине,
Стоят недвижимо. И сине
С небес нисходит тишина.

Охापку листьев собираю,
Склоняясь в поясных поклонах
Неутомимому Тому,
Кто вновь их вырежет на клёнах.

* * *

У нас на хуторе, в Европе,
Пока ни стычек, ни боёв.
Лишь кошка прячется в укрепе,
Подстерегая воробьёв.

И жизнь, и смерть походкой тихой
Идут – тьфу, тьфу! –
не сглазить чтоб.

И дед Антип с усмешкой дикой
Себе сколачивает гроб.
И говорит, что нет надежи
Ни на кого – все пьют в семье,
И что крещёному негоже
Потом, как псу, лежать в земле.

Враг народа

Боящийся шороха мыши,
Покорный всегда, как овца,
Считающий всех себя выше,
Забывший и мать, и отца,

Не ищущий истины-брода,
Прислуга на шумных пирах,
Носящий лишь званье «народа» –
Такого народа – я враг.

Молитва

Прошу ни славы, ни утех,
Прошу Тебя, скорбя за брата,
Спаси мою страну от тех,
Кто распинал Тебя когда-то.

Христос, они твои враги!
Они рабы Тельца Златого, –
Ты знаешь Сам, так помоги,
Ведь Твоего довольно слова...

* * *

А вообще-то я лирик по сути:
Я писал бы о песнях дождей,
О заре на озёрной полуде,
О таинственных криках сучей.

Не даёт же мне в лирику власть
Эта чёрная, скользкая власть,
Что так схожа

с пиявкой болотной,
Присосавшейся к шее народной
И раздувшейся, сволочь, до жути...
А вообще-то я лирик по сути.

* * *

Эх, подкачу-ка я штанины,
Несите, ноги, вы вольны,
Куда хотите, гражданина
Несуществующей страны.

Ну что же, нет страны, и ладно.
Выходит, кончилось кино.
Зато пока еще прохладно
В бутылке терпкое вино.

А если я при всём при этом,
При всём при этом, да при том
Не стану даже и поэтом,
То, точно, сделаюсь шутком.

Я бубенцами стану звякать,
Глотну вина и брошусь в пляс,
Чтоб ненароком не заплакать.
Навзрыд.

Беззвучно.
Как сейчас.

Больней не ведал бед...

Валерий КУЛЕШОВ,
г. Владивосток

* * *

В.Ш.

1.

Текла спокойно жизнь моя:
являлось по утрам светило,
везло со мной телегу дня,
а отработав, – уходило.
Напрасно недруги мои
мне долю горькую сулили –
как траектория Земли,
мой путь по жизни был стабилен.
Но, Боже, вдруг явилась ты,
тряхнула длинными кудрями,
сверкнула блеском черноты
в глазах раскосых под бровями,
как крылья ночи колдовской –
и произошла вселенская ка-
таст-
ро-
фа!

2.

Звучит в полночной тишине,
в моём тревожном кратком сне
Вселенной всей неустрашимей
вне расстояний и времён
слов коротких перезвон –
твоё единственное имя.

Я от него с утра ушёл:
в работу впрягся, словно вол.
Жизнь понеслась,
как кадры в фильме.
Но каждый шаг и сердца стук
на фоне дня – за звуком звук –
опять твоё слагали имя.

Дарует сказку поздний час:
нырнув, в заливе день погас;
белеет берег в лунном гриме,
маячит тень передо мной...
Всё нереально. Лишь прибой
твоё земное шепчет имя.

Умру, но с ним не распрощусь.
Там в звездопасы попрошусь.
Господь поймёт желанье это.

Ты выйдешь вечером гулять –
и звёзды твой окликнут взгляд
по имени мерцаньем света.

3.

Да, в тебя я влюблён неизменно,
тревожно.
Принимаю удел –
безответно любить.
Но я знаю: в пустыне
хоть изредка должен
прикасаться губами к воде,
чтобы жить.
И гурманка-душа
не мечтает о яствах,
что дарили пиры
моих сладких побед.
Мне лишь изредка нужно
сказать тебе: «Здравствуй!» –
и потом проводить
взглядом твой силуэт.
Я уже не пытаюсь
твой образ отринуть.
Никуда не сбежать от любви
этой прочь.

Даже полдни мои
затмевает отныне
глаз бесстрастных твоих
азиатская ночь!

4.

Ты рядышком – но как ты далека!
На берег твой не существует
брода.
Пусть ты меня моложе
лишь на годы –
я оказался старше на века.
Сквозь беспощадность
времени никак
моё тепло к тебе не доберётся.
Играешь роль.
Но вижу: остаётся
в твоих зрачках холодный,
зимний мрак.
И я играл не то, да и не так.
Но это уже роли не играет.
Мне душу рвёт,
но всё ж не разрывает

под солнечным сплетеньем
пустота.

И давит, ноет, мучит маета.
Лишь впереди,
за жизненной чертою,
мы – искренние, любящие – двое...
Хотя и это – только лишь мечта,
спасающая.

5.
Ушла любимая –
больней не ведал бед.
Поплачем, скрипка, вместе.
Погорюем.
Согласен, да, – затасканный
сюжет,
но жить с такой печалью
не могу я.

Скрипачка милая,
сегодня плохо мне:
впервые песня жизни не со мною.
Не оставляй меня наедине
с такой безбрежно страшной
тишиною!

Как оркестранты на похоронах
из нас по нотам выжимают
слёзы,
пусть изольёт бездушная струна
своей тоски врачующую дозу.
И пусть подхватит душу
звуков смерч,

как тонущего шлюпка в океане.
Потом споешь про счастье,
а теперь
спаси от боли
музыкой страданий.

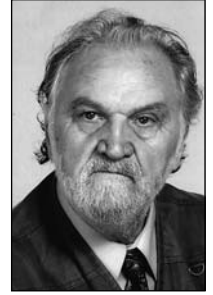
6.

Я подарю Вам те стихи,
что диктовались мукой, болью,
той безответною любовью,
к которой были Вы глухи.
В них женский образ – божество.
В них гимн восторга и молитва,
страданий стоны и палитра
страстей любви, их торжество.
И Вы прочтёте те стихи.
Вы, незнакомая с любовью,
презрительно взмахнёте бровью
над текстом скучной чепухи.

Идёт ли дождь...

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

Маневры

Подступают дожди косые,
Ливни хлынули из ведра.
Подмораживает Россию,
Ледяные поют ветра.

Содрогается поднебесье,
Жестяные оркестры крыши,
В эти милые сердцу песни
Добавляя: «Шумел камыш...»

Напрягая стальные нервы,
Напевая один мотив,
Всем, участвующим в маневрах,
Прегрешения отпустив.

Как ни внезапно приходит строка,
Мысль, изначально, моя глубока.

Хоть и печальна, но не легковесна
Нищей России унылая песня.

Скрип тормозов
на сибирской железке,
Свист пароходов
стал менее резким.

Кажется, бранное слово ценней
Бывших в забвении рабских цепей.

Тише задорная песня щегла,
В суетной руке кривая игла.

Что ни сошьёт,
всё навыворот, криво,
Сорной травой приукрашены нивы,

А от торжественно бодрых речей –
Много простуженных стало печей.

Скорбный итог
дорогих пятилеток –
Меньше в деревне
рождается деток,

Чаще пустые встречаются
дровни,
Знать, на погосте устроилась
ровня.

Не называя

Не называя дат, вождей имён,
Течёт река прочитанных времён,

Племян, родов,
сообществ и наречий,
Отнявших у людей свободных Вече.

Чтоб колокола вольную длину,
Укоротив, отдать веретену –

Сучить иных времён золотую нить
И никогда о прошлом не звонить.

Странник-двойник

Идёт ли дождь, метёт позёмка –
Надёжен лёгкий посошок,
Легка дорожная котомка,
Не страшен солнечный ожог.

Когда в котомке есть лепёшка –
Не страшен на дороге снег,
Приветить может и копейка,
Дать свой спасительный ночлег.

А утром юркая синица,
Непотревоженный родник
Подскажут, что пора напиться,
И тихо подмигнёт двойник.

Високосный 2008 год

Год високосный, он спущен для нас:
Снова грядёт подорожание хлеба,
колбас,

Удорожание газа,
тарифов и пошлин –
Всё оттого, что не слышим мы
Господа глас,
Рубль деревянный изрядно
опошлен.

В городе нашем вальжном
полно закоулков,
Скоро утонет он в хламе
и в грязных окурках,
Сильно похож на казарму ли,
сточный сосуд,
Ну а затеи все наши –
на праздничный зуд.

Мелко законники пашут,
заоблачно рея,
Вот оттого-то и люд лихоимный,
зверья,
Носит хоругви,
безумные сея законы, –
Всходят на поле по-прежнему
зубы дракона.

Сердце

Деревни русские,
вокруг вас столько лжи!
Какие к вам ни применялись
средства!

Простой хулы цветные этажи,
Такие, что заклинивает сердце.

На части рвётся,
по ночам томит,
В неровном ритме, разгоняясь,
бьётся.
Я, ощущая правды динамит,
Живу с опаской,
что вот-вот взорвётся.

Шепчу ему: вези душевный воз,
Одoleвая по ночам скрипучесть,
Работай, сердце,
с правдой на износ,
С деревней вместе
разделяя участь,

Веди меня по весям и скитам,
По нищим, полувыморочным
долам,
Кондовым праотеческим местам
По праву чести, памяти и долга.

Удивлены внезапным фартом,
Тогда чего мы в доме ждём?
Сегодня снег пропитан мартом,
Почти сиреневым дождём.

И первородным вешним ситцем,
Грачиным граем в небесах,
Полупрозрачной тонкой спицей,
Застрявшей в солнечных часах.

МОЙ ГОРОД У МОРЯ

Геннадий ВОРОНИН,
начальник Центра патриотического
воспитания МГУ им. адм. Г.И. Невельского

конкурс

1958 год

Август 1956 года, раннее, слегка туманное утро, и, чтобы не опоздать к 8.00 на свою первую в жизни вахту, я – выпускник Владивостокской мореходной школы, иду пешком от остановки Гайдамак на «О» причал, где находится «на перестое» мой первый пароход «Миклухо-Маклай».

Мне 18 лет, вокруг всё прекрасно, душа поёт и 38-сантиметровые «клёши» курсантской формы метут улицу Ленинскую. В районе кинотеатра «Комсомолец» встречаю конкурента, который тоже очищает улицу, но по-настоящему – это дворник, моющий из шланга тротуар. Меня обгоняет, весь в каплях росы, первый трамвай, но мне он не нужен – я люблюсь на ходу своим городом! Очень редкие автомобили трясутся по бульжной мостовой. Позади год нелёгкой учёбы в «мореходке».

Раньше мы жили на бывшей станции Лянчихе (26-й км), от которой остался сейчас лишь двухэтажный вокзальный домик, находящийся между остановками «Спутник» и «Садгород», поэтому каждый день приходилось ездить на учёбу в город, ведь общежитие местным не предоставлялось. Устав за день, я любил поспать и на звонок будильника реагировал плохо, но, когда слышал гудок паровоза, отходящего со станции «28-й км» (сейчас – «Весенняя»), быстро умывался и «галопом» мчался на перрон, чтобы сесть на уже отходящий поезд, успевая досмотреть последний сон в дымном вагоне, и не опоздать как раз к завтраку в Мореходной школе. Она располагалась в трёхэтажном здании бывшей пуговичной фабрики на Первой Речке. В настоящее время там находится городская детская больница. При очистке подвалов нам приходилось выносить тысячи пуговичных заготовок, сделанных из перламутровых раковин, но ещё без дырочек.

Учиться было очень интересно, потому что нам преподавали влюбленные в свою профессию мо-

ряки, такие, как Владимир Александрович Лазаренко. Под его руководством, будущие матросы, построили на верхнем этаже, под самой крышей, подобие ходового мостика с приборами управления и мачтой. Сигнальные огни на ней мы смастерили из меди-

цинских стеклянных «банок», и получилось очень здорово. Вспоминается мне и полноводная река Лянчихе, в которую далеко вверх заходила разная рыба и где водились крупные раки. Их мы с удовольствием ловили, а приличная глубина реки позволяла взрослым мужчинам погружаться в воду «с ручками», и мест для купания было предостаточно. Сейчас, к сожалению, от Лянчихе остался жалкий ручей, зато она теперь называется речкой «Богатой».

Поезда в то время ходили медленно, иногда без объявления причин останавливались где угодно. Нам, еще мальчишкам, учащимся в школе №3 на станции Лянчихе, очень нравилось ездить в багажном вагоне (был такой переоборудованный из товарного вагона в каждом составе), сидя на полу и свесив ноги «на улицу». Такие остановки нам были «по душе», особенно если они приходились на район огромного капустного поля (сегодня – Моргородок). Тогда мы проделывали дальнейший путь, объедаясь сладкой капустой, «реквизированной» нами тут же. В городе помимо кинотеатров «Родина», «Комсомолец», «Усури» и «Хроника», в котором показывали документальные фильмы (р-н Набережной), мы часто посещали Военно-морской музей, который

2003 год

располагался в бывшей лютеранской кирхе и где у входа стояли два гигантских артиллерийских снаряда, в человеческий рост. Обязательным было посещение музея им. В.К. Арсеньева и музея ТИПРО, в здании которого в настоящее время расположены основные помещения музея Арсеньева.

С тех пор прошли многие десятилетия. Я, окончив ещё и мореходное училище, навсегда связал свою жизнь с морем. Обойдя практически весь мир, я всегда сравнивал родной Владивосток с другими городами, и, несмотря на его скрытые и даже явные недостатки, он остаётся для меня самым дорогим и любимым городом, особенно сейчас, когда, в преддверии саммита АТЭС 2012 года, он переживает строительный «бум» и преобразается на глазах. А в тот день, когда я шёл через весь город на свою первую вахту, у меня в душе буквально что-то перевернулось, и родилось стихотворение «Владивостокский рассвет». Пусть строчки несколько наивны, но идут они прямо от сердца:

*Когда рассвета луч забрезжит,
Природа ещё сладко спит,
Вокруг всё сон глубокий нежит
И город утренний молчит.*

*Туман всё покрывалом нежным
Укрыл заботливой рукой,
И бриз морской дыханьем свежим
Листву колышет за собой.*

*Деревьев стройные громады
Стоят средь стриженных кустов,
И капли утренней прохлады
Роняют с трепетных листов.*

*Залив Амурский тихо дремлет,
Застыли кучкой корабли,
И Рог Златой рассвету внемлет
У берегов родной земли.*

*Вдали я буду от России,
Но часто в мысли мне придёт
«Гнездо орлиное», и синий
Рассвет над городом встает.*

*Владивосток, любимый город,
Тебя красивей в мире нет,
Я здесь родился, и мне дорог
Твоих рассветов ясный свет!*

На снимках:

**Курсант Геннадий Воронин.
Геннадий Антонович Воронин, начальник Центра патриотического воспитания МГУ имени Г.И. Невельского.**

Рисунок Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск

Станет тихо...

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

Улыбнись мне утром ранним,
Покажи, как хороши
Струны, стороны и грани
Пробудившейся души.

Улыбнись мне в ясный полдень,
Чтобы, в сердце свет храня,
Я в одно мгновенье вспомнил
Обо всех счастливых днях.

Улыбнись мне в час вечерний,
Чтоб в темнеющем окне
Самых первых звёзд свеченье
Разглядел я в вышине.

А подступит ночь украдкой
И возьмёт тебя в полон,
Я увижу сам, как сладко
Улыбнёшься ты сквозь сон!

В душе не растратился пыл –
Вся жизнь начиналась сначала,
...Ты помнишь? Я тоже забыл...
Чего нам тогда не хватало?

Последних сугробов зимы?
Свершения первой надежды?
Рассветов, встававших из тьмы,
Мелодий, не слышанных прежде?..

Истаял согревшийся снег.
Дожди натянули поводья.
Земля, словно Ноев ковчег,
Неслась на волне половодья.

И было судьбе по пути
С волною, весною, землёю,
Но не о ком было грустить
И некого звать за собою.

Любила... Я тоже любил.
Забыва? Я тоже не вспомню...
Мой ветер тебя окрылил,
Твой ветер мой парус наполнил!

И ждать больше не было сил:
Летела ли белая вьюга,
Зелёный ли дождь моросил,
Ну как мы могли друг без друга!

Экспресс «Владивосток-Хабаровск»,
сказать по правде, не экспресс,
а скорый поезд (я врубаюсь
уже в технический прогресс!).

Но скорый тоже не телега –
в ночь до Хабаровска домчит...
Я снова от тебя уехал,
тоска такая, хоть кричи!

Признаться будет мне неловко
среди хабаровских друзей,
как жду конца командировки,
как мучит бесконечность дней.

Течёт Амур – не то, что Волга –
вон, за окном его вода!
Но как же медленно и долго
в Хабаровск ходят поезда...

Баба Шура

Яблоня серёжкой на ветку
Прицепила первую звезду.
Мышь шуршит, и падают ранетки
В добром бабы Шурином саду.

Вновь за бабы Шуриной оградой
Смешивает август не спеша
С тёплым духом яблочного сада
Нежную прохладу Иртыша.

И опять не спится бабе Шуре,
Хоть вставать ни свет и ни заря.
Погасила лампу в абажуре –
Правда, ну чего гореть-то зря?

В горнице, большой,
пустой и тёмной,
Баба Шура никого не ждёт –
Так живёт одна, живёт и помнит
Месяц август, сорок третий год.

Мышь шуршала, падали ранетки,
От реки тянуло сквозняком.
Было тихо-тихо у беседки,
Только шёпот слышен далеко.

Голосом пригож и ликом светел
Был хороший парень с Иртыша,
И была в военном сорок третьем
Баба Шура очень хороша...

**Причёт старого дома,
из которого кто-то уехал**
За разлуку и я постарел
И порою бываю угрюмым,
Но соседей, уставших от дел,
Не тревожу нечаянным шумом.

Поднимись по ступенькам моим –
Я походку родную узнаю!
Мы о многом с тобой помолчим,
Мой давнишний жилец, мой хозяин.

Затаив неизбежность потерь,
Обретеньями манит дорога...
Всё мне кажется: скрипнула дверь
И морозцем пахнуло с порога.

Слышу шаг твой
по горенке в такт
Твоему, ещё детскому, смеху
Так подробно, отчётливо так,
Словно ты никуда не уехал.

Ничего в этом мире большом
Для тебя не придумано ближе –
Я твой дом, человек, я твой дом,
Я тебя ни за что не обижу.

И, когда во дворцах дорогих
Ты, меня позабыв, приживёшься,
Не пройди мимо окон моих,
Если вдруг ненароком вернёшься.

Случай выпадет лютой зимой –
К тёплой печке
не грех прислониться;
Выйдет летом –
в полуденный зной
Заходи хоть водицы напиться.

И примолкнут за южной стеной,
В окна сникшими ветками глядя,
Подраставшие вместе с тобой
Тополя, что скрипят в палисаде.

Станет тихо в весёлом селе,
Станет тихо
на всём белом свете;
И зачем я стою на земле –
Ты один мне сумеешь ответить!..

Вплотную к двери рая

Мария МАРКОВА,
г. Вологда

Глина

Диковатый привой.
Голубая равнина.
Есть небесная глина
над моей головой.

Там растёт синева
из гончарного круга.
В снежном вихре испуга –
белый иней, трава.

Так же пальцы снуют
над ребром человеческим.
Загорелые плечи.
Потемневший сосуд.

Тот же самый гончар
обжигает и дует.
Сонный ветер целует
новослепленный шар.

Тот же самый божок
покрывается лаком,
и питается мраком
золотой петушок.

Люди сходят в снега
по ступенькам с вершины.
Их из хлеба и глины
сотворила рука.

И неведомо им,
что в пустоты их тела
то ли птичка влетела,
то ли смерть, то ли дым.

Хаос узнавания

1.
Нет, всё, что есть
и что мне остаётся, –
лишь выглянуть
из этой темноты
туда, где днём сиреневое солнце
едва-едва касается воды,
и дым идёт от синего разреза
в живой и мягкой ткани бытия,
и в нём стоит двойник,
лишённый веса, –
душа моя.

2.
Душа моя, не выходи во двор,
там ночь уже.
Не видно, кто нам пишет.
Лишь ветер ходит, мучаясь,
по крыше,
что нет звезды над домом
до сих пор.
Так в августе и поздней зимой,
пока ещё меняются местами
река и небо, и дрожит над нами
привязанный к осинам плотомой.
Но и тогда едва заметный свет
всё вызревает в темени
подводной,
как белый рис – прозрачный,
круглый, плотный.
Сейчас же ничего такого нет.

Останься тут,
примериваясь к звукам.
Биение звезды, небесный пульс –
по карте лет прокладывает курс
продрогший странник
с серебристым луком
и певчей остывающей стрелой.
И всё над нами –
мифа трактованье,
молчание и хаос узнавания,
ладья Харона с мглою и золой.
Элизиум, где бродят только тени
с холодными тюльпанами в руках
и путаются в мёртвых языках,
как в стеблях
удивительных растений.

Но там темно. Ни родины, ни сна,
ни ночника на столике в бумагах.
Там – всё на ощупь.
С каждым новым шагом
в тебя вырастает больно тишина.
Не выходи во двор, не выходи,
оглядываясь на меня украдкой
и вслушиваясь, как ударит кратко
и сильно сердце белое в груди.
Не оставляй меня
в цветном бреду,
в своём аду совсем одну – не надо.
Ты посиди со мной немного рядом,
а я потом, потом – сама уйду.

3.
Всё так знакомо,
что не хватит слёз
его оплакать, медленно взрослея.
Ихор струится, в глине прижилось
твоеё ребро. И тем оно белее,
чем человечнее внутри меня
чужой язык, живая сердцевина
слепого прометеева огня.

Строка же узнавания – невинна.
Она растёт сквозь временной
разлом,
через пространство
вымершего рода
и тычется своим горячим лбом
в мою ладонь. Последняя свобода,
которой крылья некому связать, –
сказать своё, слова не подбирая.

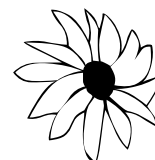
Мы подошли вплотную
к двери рая.

Не плачь.
Забудь.

Теперь – закрой глаза.

Мне всё ещё лет девять
без хвоста,
и жизнь прозрачна, медленна,
проста.
Она, как стрекозиный
круглый глаз,
из тьмы и трав глядит,
глядит на вас.

И я лежу под небом с Астрид Л.,
и языком катаю карамель.
Нет времени, нет смерти.
Август – есть.
И этот жук. И облако. И лес.

Правило сложения

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

ars poetica – XXI век

разбуженные поэзией
поднимемся до
небывалых высот
ассоциативного
мышления
перестанем транжирить
бумагу
на тиражирование поэм
с бьющимся сердцем
понимающе завздыхаем
просветлённо заплачем
над столбцами слов
в орфографическом
словаре

садовники и землекопы

кто же важнее
садовники
или землекопы
зависит прежде всего от
того
постучит ли в городские
ворота
обитые тёмным железом
чума
или яблоня
стукнет
тяжёлою веткой
солнцем согретым
спелым
яблоком

дальняя перспектива

однажды
когда всё настолько
переменится
что в кресло твоё
сядет старушка в
смешных очках
с тяжёлым вздохом
и вечным клубком
запутавшихся
воспоминаний –
тогда я приду и скажу:
– а помнишь
я клялся любить тебя вечно?..
– и что же? –
ты спросишь без твоя улыбки

прозрение

сквозь чёрные повязки
мы ясно видели
всё то что прятали от нас
когда нам разрешили
снять их
и широко открыть глаза
мы лишь зажмурились
от света
но не нашли
ничего
нового

как пишется стихотворение

как пишется
стихотворение? –

на поляну выходит олень
натягивается тетива
и стройная поющая стрела
отпускается на волю

летающая стрела –
это и есть стихотворение
которое уже не
принадлежит
ни луку ни тебе

потом у ночного костра
можно поболтать
про наконечники и оперенье
послушать умное суждение
лесничего

о поправках на скорость ветра
и скорость оленя
подбросить хворост
в догорающий костёр

вот так и пишется
стихотворение...

а целиться совсем необязательно

маленькая неоконченная поэма

заночуем
в Ноевом
ковчеге...

друг

в дружбе клянётся
и глаза хорошие ясные
и лицо открытое
вот только всегда молчалив

саблю точу и слышу
седлаю коня и слышу
даже
сквозь оглушительный
рёв трубы

слышу
как в мешки
заклятых врагов моих
перетекает золото
его молчания

закон для подрастающего поколения

с каждым днём
тень от тебя
становится чуть длиннее
не спеши
не так быстро
помни
что тень человека
не должна быть больше
самого человека

правило сложения

– полцарства за коня! –
кричит он удирая с поля боя
– полцарства за коня! –
хрипит разбитый самодержец

величество ваше
взгляните на двух красавцев
яростно грызущих удила:
чудо ведь как хороши
и без сомнения
оба теперь – ваши!

Сегодня и завтра...

Виктор ДЕБЕЛОВ,
г. Арсеньев

Белый вальс

В мире музыки и граций
Вальс – король, бесспорно, танцев,
Душ и судеб повелитель –
Белый танец объявите!

Белый танец, белый танец –
Пригласите меня, Таня,
Вы – явление Терпсихоры
На балу. Смотрю на вас.
Белый танец, белый танец,
Верю я, что миг настанет –
Ах, какой же с вами мы
станцуем вальс!

Белый танец на паркете –
Испытай священный трепет!
Кружат пары в ритмах вальса –
Наслаждайся! Наслаждайся!

Мы парим в духовном взлёте
В невесомости полёта
Над паркетом,
на сегодняшнем балу,
Нашим «па» я весь внимаю,
Стан ваш гибкий обнимаю –
Подарите мне на память поцелуй!

Белый танец, белый танец –
Пригласите меня, Таня,
Вы – явление Терпсихоры
На балу. Смотрю на вас.
Белый танец, белый танец,
Верю я, что миг настанет –
Ах, какой же с вами мы
станцуем вальс!

Не зови

Уж не зови её ты, не зови,
Ведь ты любил так трепетно,
так нежно,
твоя любовь была рекой
безбрежной –
и утонул ты
в собственной любви...

Благовари её, благовари –
судьбы подарок
не такой уж частый,

прощаясь, обними её на счастье
и поцелуй на счастье подари...

Благослови её, благослови
на новую любовь,
прекрасней прежней,
а сам живи
пленительной надеждой
и верь в мираж
другой такой любви...

Уobelиска

Они не вернулись. Убиты.
Убиты войною.

Смотрите:
среди зелени парка
Обелиск,
ослепляющий белизною, –
Преклоните колена
перед памятью павших!

Чеканной строкою
на скорбном граните
Они вновь в строю –
поимённо, повзводно.
Идёт переключка солдат.
Преклоните
колена перед памятью павших.
Сегодня.

Сегодня и завтра!
И в праздник, и в будни!
Ты в памяти нашей
остался навечно.
Отчизна тебя
никогда не забудет,
Великой Победы
Добытчик и Светоч!

Анахорет

Мой живописец,
вот вам холст и краски,
Но долго не колдуйте
над портретом:
Искать во мне особое напрасно,
Мой образ прост –
живу анахоретом.

Живу в судьбой назначенной
пустыне,
Где шелестят секундами песчинки
И где по мне глазами пустыми
Скорбит старушка ночь,
но беспричинно.

Художник, нарисуйте мир
из тлена,
А рядом – лик мой,
с посохом и лирой,
И это будет правдой несомненной:
Я с ними столько лет
иду по миру...

На оберег

Разрывается сердце на части.
Не боюсь ни хулы, ни молвы.
Но боюсь я вспугнуть
ваше счастье,
Если все-таки счастливы вы.
Если кто-то уже вас целует
На житейском крутом берегу,
Я боюсь сослужить службу злую –
Пусть же ангелы вас берегут!
Пусть любовь
вашей спутницей станет,
Пусть другой вас ласкает – увы...
Я мешать вам нисколько не стану,
Но скажите мне: счастливы вы?

Ищу свою звезду

Вновь полночь рассыпала звезды
в тумане на Млечном Пути.
Но в зареве этом не просто
звезду своей жизни найти.
И к ней дотянуться, потрогать,
накинув на счастье узду.
...Я вновь потеряю дорогу –
И тропкою узкой пойду.

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ

**Валентина ГАМАЮНОВА,
Лина ГЛАДКАЯ,
г. Артем**

Война. Народ. Победа.

Эти три слова емко и точно выражают суть сурового и героического времени. Это было время войны, время величайшего напряжения сил народа. 2010 год – знаменательный. Это год 65-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне (8 мая 1945 года представители фашистской Германии – фельдмаршал В. Кейтель, генерал-полковник авиации Г. Штумпф и адмирал флота Г. Фридебург, подписали акт о безоговорочной капитуляции) и окончания второй мировой войны (2 сентября 1945 года в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» представители Японии – министр иностранных дел М. Сигэмицу и начальник генштаба Умедзу, подписали акт о капитуляции).

Величайшая из войн, которую когда-либо пришлось вести нашей Родине, уже стала историей. Но так ли это? Для всех нас, сегодняшних, ясно одно: главные участники истории – это Люди и Время. Народ спасает Отечество. Без патриотизма нет и патриотов Отечества. Победа в войне не дарована нашему народу какой-то сверхъестественной силой, великой личностью или счастливым случаем. Она добыта кровью, потом и безвозмездными жертвами советских людей. Отмечая эту особенность минувшей войны, Г.К. Жуков написал в своих мемуарах: «...прежде всего мы должны поклониться до земли нашему советскому человеку... Где бы ни находился этот человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, на подневольном труде в Германии, – всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы над фашизмом».

Конечно, нелегко доставалась наука побеждать. Но, несмотря ни на какие испытания, лишения и невзгоды, мы пришли к Победе. Для поколения тех лет, наших дедов и отцов, война была беспощадной и грубой школой, где они сидели не в аудиториях, а в мерзлых окопах, перед ними были не конспекты, а бронепробитые снаряды. Я по праву горжусь тем, что советские люди кровью своей, нечеловеческими страданиями отстояли жизнь, Родину...

Любой народ без исторической памяти обречен на деградацию. А что нам нужно всего-то для мудрости – знать и помнить, как минимум! Знать и помнить свою историю, знать и помнить войну, унесшую миллионы человеческих жизней.

Ветерану войны г. Артема Гладкому Павлу Ивановичу

было 18 лет, когда началась Великая Отечественная война. В январе 1942 года Черниговским райвоенкоматом Приморского края он был призван в армию и направлен в город Свердловск на учебу в военное училище связи, где учился четыре месяца. Из-за сложившейся тяжелой обстановки на советско-германском фронте учеба была прервана, и все курсанты были направлены в Москву, в распоряжение Главного управления связи Красной Армии. А первое сражение, в котором довелось участвовать ему, произошло в середине июля 1942 года в Сталинграде.

В начале июня 1942 года с группой военных связистов он был направлен в город Балашов на пополнение в знаменитую пехотную дивизию. В первых числах июля 1942 года 99-я стрелковая дивизия форсированным маршем двинулась из Балашова на Сталинград. Шли пешим маршем более 600 километров. Еще далеко к подступам Сталинграда в ночное время небо было покрыто огненным заревом. Был слышен приглушенный тяжелый гул разрывающихся бомб и снарядов.

Сталинграда по существу никто из них не видел, так как на всем своем протяжении город сильно горел – над ним стояли тучи дыма. Вспоминая те дни, Павел Иванович рассказывает: «Перед нашим взором простиралось страшное зрелище. Казалось, горели не только постройки, а и сама земля. Мы, воины, хорошо понимали, что фашисты несут нашему народу смерть и разрушение; обезумевшие от людской крови эти полулюди-полузвери сеют смерть и насилие».

Дорогу фашистским ордам под Сталинградом преграждали живые и мертвые. Ведь на Волге решалась судьба нашей Родины. В исторической битве под Сталинградом проявлен массовый героизм наших солдат и офицеров. Именно здесь на каждый квадратный метр земли приходилось более тысячи осколков от мин и снарядов. Воины, оборонявшие город, стояли насмерть.

Бесперывные атаки немецких автоматчиков, постоянный артиллерийский обстрел и бомбежки – в этом аду, казалось, не было места для живого. Обстановка под Сталинградом достигала наивысшего трагизма.

«Мы, защитники Сталинграда, помним и никогда не забудем август 1942 года, – говорит П.И. Гладкий. – Тысячи германских пикировщиков сжигали Сталинград. Воздушные пираты Геринга пытались умертвить, убить великий город – нашу гордость и славу. Но город стоял

твердыней, самой крепкой цитаделью. В нем мы, сталинградцы, стояли несокрушимой силой отваги и мужества; этот город превратился в яркую легенду».

Август был началом славы города на Волге – вечной и священной. Храбрые воины, оборонявшие Сталинград, дерзко смотрели смерти прямо в глаза. Но совершилось почти чудо: в смертельном пекле, в Сталинграде, наши войска не только выстояли, но и победили. Нет числа подвигам, совершенным нашими войсками в героической обороне Сталинграда.

«Великая Отечественная война – жестокая школа, уроки которой запомнились мне на всю жизнь, – рассказывает Павел Иванович. – Время зарубцевало раны земли, но раны сердца не зарубцуются никогда. Мне никогда не забыть тех огненных дней и ночей в героической обороне города-героя».

По долгу службы на войне П.И. Гладкому приходилось обеспечивать радио- и кабельно-телефонной связью отделения разведки, постоянно находиться на передовой и корректировать огонь полковой артиллерии, несчетное количество раз подвергаться смертельной опасности. Множество окопов, траншей, выкопанных своими руками, не раз спасали от верной гибели. Разведка на участке фронта стрелкового полка – одна из опасных и серьезных боевых задач как разведчиков, так и военных связистов. Что ни шаг, то смертельная опасность.

В конце января 1943 года в районе Мамаева кургана при ликвидации окруженной немецко-фашистской группировки Павел Иванович был тяжело ранен. После длительного лечения в военном госпитале в городе Саратове он, став инвалидом Великой Отечественной войны 2-ой группы, был комиссован военно-врачебной комиссией со снятием с воинского учета. Его отправили в Черниговку Приморского края, где ему еще два года пришлось ходить на костылях. Остался живым по счастливой случайности, хотя драматических ситуаций было очень много. Павел Иванович вспоминает: «Нам, солдатам, пришлось пройти через ад смерти. За время героической обороны Сталинграда трижды менялось отделение связи. Страшно подумать, что все это было на самом деле. Сколько там погибло моих боевых друзей. Почти все! Поэтому медаль «За оборону Сталинграда» ценю особенно».

Во время войны Павел Иванович избирался секретарем комсомольской организации взвода управления 206 гвардейского полка Сталинградского фронта. Ему довелось воевать в 99-й стрелковой дивизии, которая первой в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны была награждена орденом Красного Знамени. Дивизия обороняла Киев, Донбасс, в боях под Сталинградом стала гвардейской. 99 гвардейская Запорожская орденов Ленина, Суворова и Богдана Хмельницкого Краснознаменная стрелковая дивизия закончила войну в поверженном Берлине.

Героические действия Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов спасли нашу Родину и весь мир от порабощения фашизмом, окружив и уничтожив лучшие войска гитлеровской Германии. Окончательно

был сломлен боевой дух немецко-фашистских войск и разгромлен миф о их непобедимости.

Отвечая на вопрос, какой эпизод войны оставил неизгладимый след в душе, П.И. Гладкий рассказывает: «В районе тракторного завода около Сталинграда стояла полуторатонная машина, под которой прятался немец высокого роста. Его надо было растерзать за то, что он выскочил из-под грузовика и начал стрелять беспрерывным огнем. А мы не имели права его уничтожить, так как у нас была высокая дисциплина и важная задача – выйти на исходные позиции к Волге».

Павел Иванович награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Георгий Жуков», юбилейными медалями и знаками.

Интересной и насыщенной была жизнь Павла Ивановича Гладкого после войны. В 1947 году в селе Черниговка Приморского края он познакомился с будущей супругой Анной Ивановной (вместе они уже 63 года). В мирное время работал инспектором по налогам в финансовом отделе Черниговского райисполкома. Девять раз избирался народным депутатом городского и поселковых советов – Углового и Трудового (двадцать четыре года был депутатом). В городе Артеме сорок два года проработал в должности старшего инженера по специальной работе в городском узле связи, еще семнадцать лет – служащим в городском военном комиссариате. Как инвалид войны, пошел на пенсию в 55 лет.

Павел Иванович занимается общественной работой: является членом Артемовского городского совета ветеранов войны и труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, входит в состав общественного совета историко-краеведческого музея города Артема, является куратором по героико-патриотическому воспитанию молодежи средней школы № 11.

И сегодня П.И. Гладкий постоянно встречается с молодежью, собственным примером показывая, как это важно – любить свое Отечество. «Я очень хочу, чтобы молодежь была здоровой, умной и доброй. Чтобы молодые люди были воспитаны в духе патриотизма и любви к Родине», – говорит он.

65 лет мы живем в мире и знаем о Великой Отечественной войне только по рассказам ветеранов, из книг и кинофильмов. Мы всегда будем помнить подвиг наших отцов и дедов в годы войны. Вечная память тем, кто остался на полях сражений. А тем, кто выстоял, – низкий поклон!

*Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым –
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья, -
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой,
Поклонимся за каждый смертный бой!*

(Михаил Львов)

«Тихо розы бегут по полям...»

Светлана МАЩЕНКО,
п. Приозёрный,
Амурская область

К концу рабочего дня внезапно разыгралась метель, и ремонтникам, возвращавшимся домой из мастерской, расположенной в километре от посёлка, пришлось бороться с порывами ветра, который бросал им в лица холодные колючие хлопья снега. Хорошо, что позёмка не успела ещё перемести всю дорогу, и мужики шли по твёрдому насту.

– Сейчас бы по двести грамм на брата, погодка шепчет, слышите? – предложил Николай.

– А давайте к Матрёне зайдём, у неё всегда самогон есть, – выдвинул идею Пётр. – Может, даст в долг до получки. Только Юрку зашлём – он пока не должник у неё, мне-то не даст: на триста рублей уже набрался.

– А пить к кому пойдём? Ко мне нельзя, у меня тёща в гостях, зараза, – отбоярился Сергей. – На улице тоже не мёд: февраль не август, да и огурца не сорвёшь с грядки на закусь.

Виктор вздохнул. Погреться бы, конечно, недурно, но вчера он жене зарок дал не приходить с работы навеселе – надо хоть день продержаться да ночь простоять, а не то его корабль семейный разобьётся напроочь, он и так уже еле на плаву держится, и виной тому он, глава семьи.

– Нет, хлопцы, я сегодня не с вами, мне с сыном парусник достроить надо, – сказал Витя.

– А мне, может, к Наташке срочно надо, но я ж от бригады не отрываюсь, – возмутился Юрка. – А ты свой парусник по сугробам катать спешишь что ли?

В это время огни в уже близком посёлке вдруг погасли, и в темноте стал слышен свист ветра.

– Видишь, ты и свет сглазил отказом своим, – осерчал Пётр.

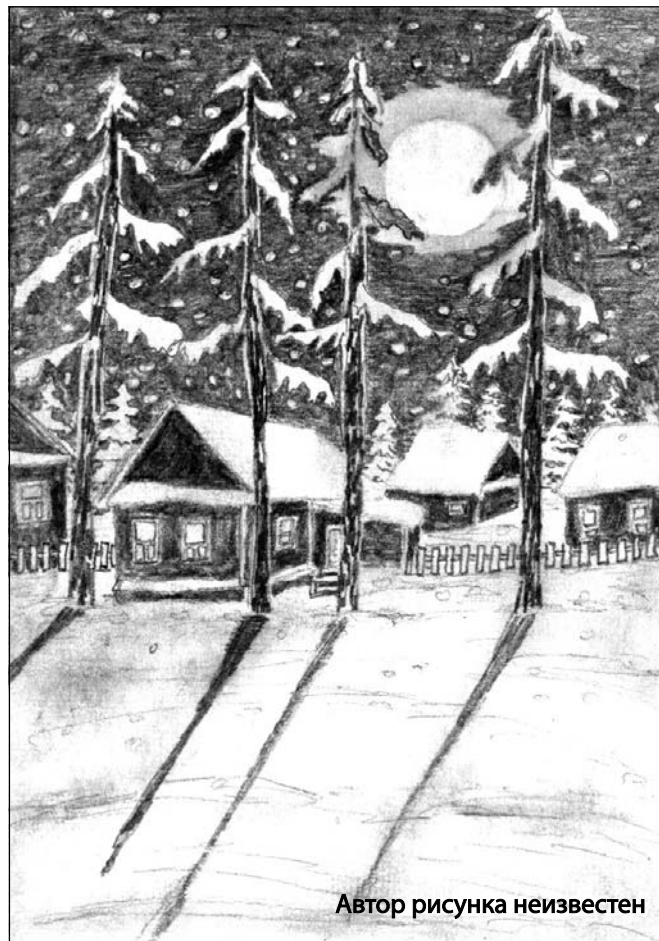
– Наверно, провода оборвало, – предположил Коля. – Это надолго, пока завтра электрики не придут.

– Тем более, Вить, с горя выпить надо. Завалимся к Валюхе, она не прогонит, чего ей одной в темноте-то сидеть, скрасим одиночество бабе, а?

– Да, ты-то и спать у неё останешься, а нам потом по сугробам во тьме кувиркаться, ища свои хаты. Слышали, Фёдора в областную больницу увезли, будут ногу ампутировать – на той неделе отморозил, до дома не дошёл, – опечалился Павел. – Не сердчайте, мужики, я дошёл, вот мой домишко, до завтра!

Вздохнули ребята, представив себя на месте бедолаги Фёдора, и молча разошлись по домам.

Громяхнув в тёмном коридоре попавшимся под ноги ведром, Виктор вошёл в избу. На кухне горела свечка,

Автор рисунка неизвестен

жена Даша хлопотала у плиты. Раздевшись и отогреть руки у печки, Виктор спросил:

– А где Данька?

– Тише, он только что заснул. Температурит что-то, видно, простудился. Я ему носки с сухой горчицей надела, скипидарной мазью спинку натёрла да уложила. Завтра к врачу ходим с ним.

Ужинали молча. Виктор вздохнул:

– И хоккей не посмотришь, и твои сериалы без тебя пройдут. И газету при свечке читать – глаза портить...

Даша, домывая чашки, предложила:

– А давай я тебе стихи читаю?

– Стихи? – оторопел муж. – Как это: «Зима, крестьянин торжествует...» или «Люблю грозу в начале мая...»? Да они в школе мне осточертели, учить ещё их заставляли...

– А ты послушай:

*Важнее, чем капитан корабля,
Чем главный кондуктор экспресса,*

*Шофёр перевозит то кучи угля,
То брёвна из дальнего леса.
Он царь поворотов, владыка просёлков,
Он птицей летит мимо роц и посёлков.
Он целую ночь проведёт за рулём,
А утром вернётся в свой маленький дом.
Сынишка взберётся на папины плечи,
И оба в восторге от радостной встречи.
И папа, изрядно уставший в дороге,
Его на себе покатает немного.*

– Да это ж про нас с Данилкой! Помнишь, я из рейса возвращался и всегда катал его на плечах, даже когда он совсем крохой был, и оба радовались, да и ты с нами!

Вспомнив, что лишён он водительских прав по пьянке, вздохнул Витя и неловко приобнял жену за плечи:

– Даш, поверь верну я свои права, пить не буду, заживём хорошо... Кто написал этот стих, он, наверное, сам шофёр?

– Да нет, он – Джанни Родари, итальянский писатель, он и про Чиполлино сочинил, и про Джельсомино в стране лжецов.

– Помню, ты Даньке читала. Я же тоже слушал, интересно ведь. Давай ещё стихи.

*– Плачет метель, как цыганская скрипка,
Милая девушка, злая улыбка.
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо...*

– Метель, как сегодня. А ещё, когда я за тобой ухаживал, ты мне казалась такой королевой снежной, недоступной, аж в груди холодело, но я ж тебя разморозил, и ты теперь не снежная, а нежная, моя...

– Видишь, и Есенин, выходит, о тебе писал. А ты говоришь: стихи надоели. Ты их просто не знаешь.

И слушал Витя до ночи и про снежную замать и чужую тройку, и про метель, в которой «забывают крышу белыми гвоздями», и про Русь кабацкую, и про Джима Качаловского. Особенно любила Даша «Персидские мотивы», которыми она и закончила этот вечер. Виктор заснул с блаженной улыбкой на губах. Даша несколько раз за ночь подходила к спящему сыну. Хотя и было его дыхание ровным, спал не кашляя, мать всё равно беспокоила выступившая на лбу Данилки испарина. В больницу утром обязательно сводит она сына, благо первых уроков у неё завтра нет. А там попросит свекровь посидеть с Данькой несколько дней – не вести же его в детсад с температурой. Может, свекровь, больше общаясь с внуком, поймёт её тревогу за Виктора, за его растущее пристрастие к выпивке. Свекровь вроде умная женщина, но защищает сына в этом пороке.

– Это в городе, где соседи друг друга не знают, можно не пить. В деревне – все свои, ну как от коллектива отрываться? Все гуляют, а Витя мой чем хуже? Рюмка-другая не повредит мужику. А премию пропил – ну так на то ж её и дали. Зарплату-то он всю тебе приносит, радуйся, – как ножом резали Дашу слова матери мужа. И только когда Виктор лишился прав шофёрских, свекровь, молча поджав губы, вздохнула.

В метельной круговерти отступала ночь, за окнами посветлело. Пора бы просыпаться.

– Тихо розы бегут по полям,

Сердцу снится страна другая... – сонно пробормотал Виктор, когда Даша протянула руку, чтобы разбудить его.

«Видно, не потерял Витёк для нас с Данилкой, если такие строчки запали ему в душу, – улыбнулась про себя Даша. – Не "Пей и пой, моя подружка", а – "Тихо розы бегут по полям..."»

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.

2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.

5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных). **Файлы принимаются в формате WORD.**

6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.**

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

О деньгах для Марии, и не только о них

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

(лирическое отступление на уроке информатики)

Как-то на уроке в десятом классе я задал простую задачку. Надо было, зная, сколько стоит один килограмм муки и сколько килограммов просит покупатель, а также сколько он подал денег, подсчитать, сколько продавец должен ему дать сдачи. Вообще-то, требовалось не просто решить эту простенькую задачку за второй класс, а составить компьютерную программу для её решения. Но перед тем как отдавать команды глупому компьютеру, надо было сначала решить эту задачу самим.

К моему большому удивлению и сожалению, многих она поставила в тупик. Скажу больше, не все даже понимали, насколько эта задача жизненна. Что делать учителю, как найти подходящие слова о том, что без образования никуда в этой жизни? И я, отвлекшись от урока, рассказал им одну историю.

В одной сибирской деревне долго не работал магазин, потому что при старом продавце обнаружилась недостача, и он угодил под суд. И магазин закрыли, а вся деревня страдала, так как за каждым пустяком нужно было ездить за тридевять земель, тратя и время, и деньги. Но никто из местных жителей не горел желанием идти работать в торговлю. В том магазине, кстати, перед этим уже не один продавец проторговался, дурная слава у него была. Но наконец нашлась одна добрая женщина, односельчане уговорили её принять проклятый магазин. Мария, как эту женщину звали, всё-таки рискнула. Да и вся остальная работа в деревне – тяжёлая и грязная. Неженская работа. А у Марии малые дети, и магазин рядом с домом, в общем, решилась...

Но она малограмотная колхозница, на продавца не училась. И, как на грех, тоже проторговалась, сделала крупную недостачу. Аж тысячу рублей. «Новыми», как тогда говорили после недавней денежной реформы 61-го года. Это примерно годовой заработок. А люди тогда жили небогато, особенно на селе. Хорошо ещё, ревизор добрый попался, не стал бедную Марию сразу под суд отдавать, а дал пять дней сроку, чтобы собрать эти деньги и внести. И стал Кузьма, её муж, эти деньги собирать, деньги для Марии. Мыкался-мыкался, искал денежных односельчан, занимал, у кого по сотне, у кого по полсотни, да так и не собрал, пришлось на четвёртый день в город к брату ехать с протянутой рукой. А кабы Марии учиться довелось, кабы она считать толком умела, глядишь, и беды бы не случилось...

Вот так неожиданно к нам в школу на урок пришёл Валентин Григорьевич Распутин со своими героями. Ученики, впрочем, не читали этой повести, знали нашего известного земляка больше понаслышке. А были среди них и такие, кто даже и понаслышке не знал. Зато, услышав его фамилию, все сразу вспомнили известную певицу...

Они даже подумали сперва, что я им очередную байку рассказал, как бывает, когда от математики надо передохнуть.

Но разве главная идея повести в том, что без арифметики пропадёшь? Главная идея в том, что... А, кстати, в чём? Распутин ведь никогда прямым текстом не морализирует, он просто рассказывает, а выводы читатель должен делать сам.

Вспоминаю случай из своего раннего детства. Как-то с матерью был в магазине, и при расчете она заметила, что продавщица, видно, от усталости, дала ей лишнюю пятёрку. Порой и такое случается. Мама тут же вернула лишние деньги, и та очень благодарилась ей. Я потом спросил, зачем ты это сделала. Ведь нам эти деньгигодились бы. И она объяснила мне, несмышлёнышу, почему так делать нельзя: у продавщицы, наверное, тоже есть дети. Недостачу обязательно вычтут из её зарплаты. Придёт она домой, дети спросят: мама, что ты нам принесла? А что она им ответит? Этот незамысловатый рассказ произвёл тогда на меня большое впечатление...

А что Распутин ещё написал? В общем-то, не так много. «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Живи и помни», «Василий и Василиса», «Уроки французского». Я, впрочем, не считаю себя знатоком, может, чего-то и не читал. Я в большей степени являюсь поклонником именно распутинской прозы, ставя её выше его публицистики. А проза, особенно вышеупомянутые произведения, это событие в русской литературе. Да разве только в русской?

Давайте начистоту. Когда лет двадцать-тридцать назад говорилось «советский народ», то это ведь был не пустой звук. Такова была реальность, что на территории бывшей (или не бывшей) Российской империи формируется некая новая общность людей, которых связали русский язык, российская земля, общая история. Совместно одержанные победы и перенесённые невзгоды. Я вовсе не считаю, что тогда всё было прекрасно, бывало всякое, как в любой семье, но это была семья. Она не могла не возникнуть, а раз так, то риторический вопрос: хорошо это или плохо? Хорошо или плохо, что русский язык стал вторым родным, или даже просто родным для всех народов огромной страны? Это обязательно должно было случиться. Тем более что реальность такова, что в детском саду, школе, на работе, в армии люди разных национальностей находятся вместе. Живут в соседних домах и квартирах. Создают семьи. Мои коллеги, ученики, друзья, соседи, те, с кем общаюсь постоянно, – это представители не менее двадцати национальностей.

И не случайно при разделе, распаде, развале Советского Союза не обошлось без конфликтов и даже крови. Ведь нельзя так просто взять и разделить единый живой организм на несколько отдельных – можно только разрезать, разрубить. И многие раны так и не зажили, не затянулись за 15 лет, продолжают кровоточить... Сейчас, конечно, уже неуместно слово «советский», но вполне прилично «российский».

Так вот, проза Распутина – это явление не только русской литературы и русской культуры, но и в целом литературы и культуры российской, как сейчас говорят, русскоязычной. Все читатели, владеющие русским языком, одинаково переживали за Марию и Кузьму, за Настёну и Андрея, за уходящую под воду, подобно Атлантиде, Матёру.

А если бы герои Распутина были не русскими, а, скажем, бурятами или татарами, то эта замена могла бы произойти вообще почти незаметно. Всем живущим в нашей стране, читающим людям было близко то, о чём Распутин писал. Представителям всех её многочисленных народов.

Впрочем, надо признать, что читателями являются далеко не все умеющие читать. Стало быть, не все читали Валентина Распутина. Как сейчас, так и сорок лет назад. Пожалуй, и малограмотная Мария, у которой и минуты свободной не было: работа, хозяйство, дети – книжек не читала. А сейчас и многие люди с высшим образованием тоже не читают художественную литературу, не оставляют времени работа, карьера, телевизор, Интернет...

Но читатели сразу заметили и полюбили этого писателя. Проблемы-то поднимаются общечеловеческие, планетарные, вселенские. А других проблем, кроме вселенских, у Распутина нет, он не мелочится.

Думается, неопытная продавщица могла проторговаться и во Франции, и в Америке, и примерно так всё и было бы.

Если взять «Прощание с Матёрой», то ведь проблема генеральной перепланировки Земли касается всех народов и всем народам интересна.

А если перечитать «Живи и помни», то такой казус, как случайное дезертирство, возможен в любой армии, и что делать в таком случае, никто не знает. И какая жена донесёт на своего непутёвого мужа?

Этой общечеловеческостью только и можно объяснить такой интерес к творчеству нашего земляка во всём мире. Вспомним 70-е годы. Почти все страны, в том числе и явно недружественные СССР, перевели на свои языки и издали большими тиражами книги вполне советского писателя, хотя и беспартийного, но лауреата, орденосца, депутата и прочее. Писателя, никогда не ходившего в диссидентах.

Помню, как в 1978 году на собрании студентов ИГУ лауреата Государственной премии Распутина выдвигали кандидатом в депутаты областного Совета. Когда в начале собрания один заранее подученный студент вышел на трибуну и предложил избрать «почётный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Брежневым», кандидат в депутаты заметно поморщился, это было всем видно. Когда речь зашла о предвыборных обещаниях, он сказал, что в течение первого срока много сессий пропускал из-за писательской работы, но заверил, что «будет ходить регулярно и слушать, что там говорят». Добавил ещё, что войдёт не в комитет по культуре, а займётся охраной исторических памятников. Вскоре после этого началась его борьба за сохранение исторического облика нашего города. Когда не хватало своих сил, подключалась Москва, тогда уже у него был всеоюзный авторитет.

Отношение к советской власти было лояльное, но критическое, такое же, как и у его героев. Один из них, председатель колхоза, говорил: «А потом думаю: над кем это я собираюсь каприз строить? Над колхозом? Он не виноват. Над государством? Этого еще не хватало...»

А к власти постсоветской отношение уже гораздо более критическое...

Впрочем, не только к власти, но и к народу, к своему народу. Как я уже говорил, даже из любви к нему Распутин не пытается идеализировать своих земляков, своих соотечественников. Его герои – люди живые, а значит, и грешные, попадают среди них и очень несимпатичные. И нет у него, как сейчас говорят, «хэппи-энда», счастливого конца. Он реалист, жестокий и беспощадный, он всегда режет правду-матку.

Мог бы ведь и присочинить. Мол, всем селом устроили складчину, как это приснилось Кузьме, собрали по четыре рубля с человека и спасли Марию. Дело-то пустяковое. Тогда ведь, в 60-х годах, уже не голодали, не ходили в рванье. Понемногу бы могли и пожертвовать. А почему так не поступили? Никто не проявил инициативы, не взял на себя труда. И фактически односельчане не стали спасать мать четверых детей от тюрьмы, бросили её на произвол судьбы.

А можно было, чтобы помог случайный попутчик, лесоруб, который едет на курорт проматывать свои шальные деньги. Ведь он начал их пропивать прямо в поезде, а в таком состоянии может и наступить приступ великодушия. Нет, писатель упускает и этот шанс.

Можно было бы написать, как дал недостающие деньги брат, но вместо этого писатель оставляет Кузьму одиноко стоящего под дверью, и мы понимаем, что денег ему скорей всего не дадут. Очень слабую надежду оставляет нам автор. Я помню, как году в 69-м читал он эту повесть на Иркутском радио, какая боль слышалась в голосе писателя, когда герою снится сон, что он заходит в дома и ему дают деньги.

Можно было бы и присочинить, что власть передумала строить Братскую ГЭС, чтоб не затоплять родную землю («Прощание с Матёрой»). Придумать, что Андрей Гуськов сдался властям, а они его простили и отправили на фронт («Живи и помни»).

Или, что у постели умирающей матери сдружились её дети («Последний срок»). И Василий не избил бы Василису до выкидыша, а опомнился бы и пошёл спать.

А мальчика, поехавшего учиться в райцентр и чуть не умирающего там с голода, сам Бог велел пожалеть. Но ни хозяйка, у которой он живёт (она ведь тоже мать!), ни учителя, ни директор школы (они же не слепые!), ни товарищи не помогают, никому нет дела. Это страшный упрёк землякам. Лишь молодая приезжая учительница, городская интеллигентка, лишь она одна приходит на помощь. И за это она несёт несправедливое наказание. Если нельзя было написать, что помогли свои, то можно было хотя бы сочинить, что директор понял ситуацию и не выгнал учительницу французского.

Много чего мог бы сочинить автор, хорошо владеющий пером. Но Распутин не выдумывает, не сочиняет, он просто пишет жизнь такой, какая она есть, порой сгущая краски...

Так получилось, что, перейдя на Распутина, на литературу, на нашу грешную жизнь, мы как-то забыли об уроке. Интересный разговор был прерван звонком. Но, хочется верить, урок этот прошёл не впустую, есть вещи поважнее математики.

Победные мили Владимира Кирияки

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

Субмарина. Подводник. Курс. Глубина... Слова, при упоминании которых у каждого из нас возникает свой образ. Люди старшего поколения вспомнят подлодки и их легендарных командиров: Маринеско, Гаджиева, Видяева, Лунина, Котельникова, Старикова. Я же вспоминаю кавалера трёх боевых орденов морского офицера, который до последнего вдоха был верен подплаву России, — капитана 1 ранга Владимира Александровича Кирияку.

Я видел его всего один раз. Но меня сразу поразила положительная энергетика, которая исходила от этого человека. Крепкий мужчина, за плечами которого 32 года службы в Военно-морском флоте и несколько боевых походов на подводных лодках во время Великой Отечественной войны. Удивительно скромный человек, который ни разу за время нашего разговора не сказал о том, что за подвиги на войне награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Зато его фронтовые товарищи говорили о нём как о настоящем подводнике, мастере торпедных атак, который потопил и повредил не один боевой корабль противника. Своей службой, отношением к делу он был всегда примером для подчинённых. Проницательный, прекрасно разбирающийся в людях практически с первой встречи. В то же время требовательный, прямолинейный. Покладистым его нельзя было назвать, настоящий боец по жизни. Главный жизненный принцип Кирияки: быть достойным доверия людей – значит, предъявлять жёсткие требования к себе. Он свою работу всегда делал сам. И делал её хорошо. И воевал достойно.

Володя Кирияка родился в июне 1913 года в Харьковской области. С двух лет остался сиротой. Батрачил на кулаков. Кормили, чтобы не умер с голоду, крапивным борщом, так что острый запах крапивы остался в памяти на многие годы. А также тепло от обычной печки, где так неохотно разгорались брикеты торфа, источая едкий дым. Ещё подростком проникся уважением к тем, кто сам в жизни что-то умеет. Закончил школу крестьянской молодёжи и в 1934 году два курса рабфака. С первых дней учёбы проявлял характер и никогда не соглашался, когда говорили «люминий». Ограничить самостоятельность Володе было трудно, потому что он всегда искал справедливость.

После рабфака поступил в Военно-морское Краснознамённое училище имени Фрунзе на минно-торпедный факультет. Все курсанты знали, что более опасной и трудной службы, чем служба подводника, нет. Отбирали на этот факультет лучших из лучших, самых бесстрашных и сильных телом и духом. Изучали устройство лодок се-

рий «Декабрист», «Ленинец», «Щука», «Малютка», «Средняя», «Катюша», на старших курсах – эскадренные лодки типа «Правда». А по вечерам пели любимую песню «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...»

Лето 1938 года. Осталась за кормой четырёхлетняя учёба. Лейтенанта Владимира Кирияку распределили на Тихоокеанский флот. Инструктаж был строгим: не афишировать, что они подводники. Само слово «подводная лодка» до 1935 года считалось запрещённым. Проиграв русско-японскую войну, Россия по условиям мирного договора взяла на себя обязательства в течение 30 лет не развивать подводный флот на Дальнем Востоке. В начале 30-х годов малые подлодки привозились целиком по железной дороге с Балтики и Чёрного моря во Владивосток. Средние лодки «Щука» разбирали и перевозили в ящиках. И только перед началом Великой Отечественной войны советские подлодки стали бороздить воды Тихого океана, потому что Япония считалась потенциальным противником.

С началом Великой Отечественной войны последовал перевод на Камчатку. Походы в море стали более интенсивными. Старший лейтенант Владимир Кирияка писал рапорты с просьбой отправить на Северный, Балтийский или Черноморский флот, где шли боевые действия, но получал отказ, потому что и тихоокеанские рубежи надо было защищать. Во время походов проходили по 100-150 миль, что превышало проектную норму. В 1943 году шесть подлодок откомандировали на Чёрное море, где шли боевые действия. Не прошло и недели, как четыре советские подлодки были потоплены кораблями противника. Обратном на Камчатку возвратились две субмарины. Подводная лодка, на которой служил старший лейтенант Кирияка, повредила немецкий паром, за что офицер и получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

12 июня 1944 года в дивизионе зачитали приказ коман-

В.А. Кирияка

дующего Тихоокеанским флотом о том, что три подводные лодки будут откомандированы на Черноморский флот и войдут в состав действующей армии. Перебазировались на Чёрное море в установленный срок, и уже в конце июня субмарины пошли в свой первый боевой поход. Для лодки, на борту которой находился капитан-лейтенант Кирияка, выход в море был успешным — потопили шаланду. До конца сентября 1944 года лодка совершила два боевых похода, потопила танкер и повредила паром. Войну он закончил на субмарине «Красногвардеец». Эта лодка совершила 7 боевых походов, потопила 9 кораблей. Была награждена орденом Красного Знамени и удостоена гвардейского звания.

После окончания войны почти пять лет Владимир Кирияка командовал ротой курсантов в академии. Затем в течение года учился на Высших специальных офицерских классах ВМФ в Ленинграде на минно-торпедном факультете. В 1958 году он закончил Военно-морскую академию и в течение 15 лет был старшим преподавателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

— Я благодарен судьбе за каждый пройденный мною этап, — признаётся Владимир Александрович. — Я легко находил контакт с подчинёнными и понимал их проблемы, потому что всё испытал и знаю, что нужно делать практически в любой ситуации. Будь возможность всё вернуть в исходное, я выбрал бы вновь тот путь, которым прошёл. После тревог, недосыпания, напряжённого труда прийти в базу, отшвартоваться у пирса и услышать простые слова благодарности, узнать, что твой труд кому-то нужен, — это и есть самая большая награда, — сказал мне на прощание Владимир Александрович.

...Они уходят. Офицеры и солдаты Великой Отечественной. Несколько лет тому назад умер морской офицер Владимир Александрович Кирияка. И многое, что было для него и его боевых друзей правдой и болью, мы уже не узнаем. То, что им открылось в последний час торпедной атаки. И от чего душа не бросилась в пятки, а вознеслась в победном кличе, понятно только тем, кто знает, что такое война.

Родом из Ленинграда

«На момент установления блокады в Ленинграде находилось 2 миллиона 544 тысячи человек, в том числе почти 400 тысяч детей, — рассказывает пенсионерка Нина Гуляева. — Среди них — четверо несовершеннолетних ребёнка Гуляевых...»

Они были коренными ленинградцами, жили на Васильевском острове. В июле начали уходить поезда с малышами, подальше от войны. Матери привозили детей на станцию, всем на руки привязывали бирки с фамилиями и именами. Невозможно передать, какой стоял плач... Ревели дети, кричали матери. Родители Гуляевых отказались эвакуировать малышей, их много гибло — эшелоны бомбили фашисты...

Вскоре в жилой дом, неподалёку от того места, где жила Нина, попала авиабомба. Говорили, она была бракованная, поэтому не взорвалась; другие утверждали, что в ней сапёры при обезвреживании вместо детонатора обнаружили записку рабочих с немецкого завода.

Бежали дни, бомбардировки, а потом и обстрелы стали обыденным явлением. Стёкла в рамах. Подростки дежурили на крышах, сбрасывали зажигалки. Иногда самолёты летали так низко, что маленькой Нине казалось, что вот-вот они станут задевать их головы. После отбоя воздушной тревоги шли на завалы разбирать разрушенные дома..

Жили голодно. Дома хоть шаром покати. Ходили на пригородные поля и собирали мороженую картошку, капустные листья. Собак и кошек в городе стало мало. Не стало электричества, не было дров, перестал работать водопровод. В домах появились «буржуйки», топили их мебелью, книгами, газетами, журналами.

Зима 41-42 года выдалась суровая, выпало много снега, было очень холодно. В январе перестали ходить трамваи. Заедали вши, но никто не роптал, понимали, что идёт война. Летом 1942 года стало немного легче, продовольственные нормы выросли, заработал водопровод и даже

в некоторых районах появилось электричество. В августе 1942 года семью эвакуировали через Ладожское озеро. В эвакуации им тоже несладко жилось. Но это уже другая история.

Родные писали им, что блокада была прорвана 18 января 1943 года. Но авианалёты продолжались до октября 1943 года, а последний артобстрел был 22 января 1944 года. И только 27 января 1944 года сняли с Ленинграда блокаду.

Через много лет Нина Гуляева приехала в Ленинград. Пришла на Невский и увидела школу, на стене которой было написано: «Опасно быть на этой стороне в часы артиллерийского обстрела». За стеною — гомон первоклашек, а пожилые люди, приближаясь к стене с предостерегающей надписью, замедляют шаг, возлагают гвоздики. Они-то знают, какой ценой оплачено это детское веселье.

И сразу вспомнилось Нине Петровне холодная «буржуйка», когда уже была сожжена последняя книга, и клей, сваренный из последних остатков отцовских сапог.

И закончила свое письмо Нина Петровна стихами о блокаде Ленинграда. Пусть они не совсем совершенны, но они искренни и дороги тем, кто пережил блокаду. Они написаны от души и в них вся правда:

*Блокадный город помню я и берега,
Реку Неву, от звезд сверкавшую огнями,
Чем вызывала на себя она огонь врага,
И как от бомб гигантскими
вздывалась волдырями.*

*Святая для меня река Нева,
И вспоминаю я о ней с любовью.
Святые у неё вода и берега,
Освящены они огнем войны и кровью.
И, если в тех краях придется мне еще бывать,
Коль Бог пошлет такую милость,
Я выпила бы из Невы глоток воды
И низко — до земли — могилам поклонилась.*

«Про меня ж, бедового, спойте вы...»

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

1
Запомни... Павел Васильев...
поэт... русский...

*Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю,
В какой стране и при луне какой,
Весёлая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.
Мёд вечеров – он горестней отравы,
Глаза твои – в них пролетает дым,
Что бабы в церкви – кланяются травы
Перед тобой поклоном поясным.
Не мной ли на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой?
Так в сказках наших в воды колдовские
Нырять гусь за золотой серьгой.
Мой голос чист, он по тебе томится
И для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей
И щучьим повелением явись!*

Так писал двадцатидвухлетний Павел Васильев...

...А в неполные двадцать семь он был до смерти истерзан в расстрельных подвалах лефортовской тюрьмы и поспешно брошен в общую могилу на московском кладбище «невостребованных прахов». Страна, устремлённая в светлое будущее, не заметила, что потеряла гения...

Машина репрессий перемалывала на всякий случай всё, что не построилось и не шагало в ногу. Для поэтов не было исключений. Мало ли их ещё нарождает бескрайняя Русь.

Да вот что-то не родилось в ней с тех пор поэта с дарованием сравнимой силы!..

А он так открыто и испулённо любил Родину, не оглянувшуюся ему вослед:

*...Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдам сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.
Пусть жизнь глядит холодной порой,
Пусть жизнь глядит порой такую злою,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою...*

«У прошлого гостить» не желая, молодой поэт всем сердцем принимал «самую мучительную из перемен» и верил в грядущее:

*...Я счастлив, сердце, – допьяна,
Что мы живём в стране хорошей,
Где зреет труд, а не война...*

Ему, полному «весёлой верой в новое бессмертье», «Выстоять и умереть не тяжко За страну мечтаний и побед».

Он ли не свой?! Молодой, красивый, смелый, талантливый. Русский... Слишком смелый, слишком талантливый, слишком русский... Не ко времени. Поэтому его не стало.

Но возможно ли сокрыть в потёмках смутного прошлого, в утробе революционного «джута» слепящую вспышку гения? Высшая справедливость, которая вершится не на земле, но через людей, состоит в том, что мы, стремительно уносящиеся в новое тысячелетие от той кровавой вакханалии, узнаём сегодня о его судьбе, пропускающей из желтизны архивных бумаг и памяти близких, с трепетным восторгом читая его необыкновенные стихи. Он возвращается Родине, как сын матери.

Но с Родиной тоже многое происходит... И быть сегодня просто его читателями – недостаточно.

«Знаете ли вы поэта Павла Васильева?» – спрашивала я у разных знакомых. Это были учителя русского языка и литературы, кандидаты и доктора всевозможных наук, работники институтов и университетов. Почти все ответили, что **не знают**... И какая-то виноватость звучала в голосах немалообразованных людей, хотя виноваты они не были... Говорить сегодня об окончательном возвращении Павла Васильева своему народу приходится с грустью.

Но лично мне очень хочется поблагодарить тех людей, которые занимались и занимаются его возвращением уже многие годы.

2

**...Расскажи мне,
Что ты подсмотрел
На земле,
Покудова летел?..**

Таких стихов я ещё не читала... И с чего начать о них говорить – не знаю, потому что его поэзия – практически неисчерпаемое явление, многослойное и многогранное. Явление, к которому литературоведы подступались с различных сторон, но оно, на мой взгляд, так и осталось тайной – красивой, устремлённой в века. Необузданная энергия, неуправляемый атомный взрыв отпущенной на свободу метафоры и ничем не напуганное

новаторство поэтического строительства образа! Но при этом – такая правда! Светлая и горькая, тихая и неотступная, самая настоящая...

Павел Васильев осознавал власть высокой поэзии над временем и чувствовал в себе желание (да, наверно, и силы) постичь мастерство подобное умению каменотёса, который способен «останавливать мрамора гиблый разбег и крушение», и непременно хотел «жажды... в искусной этой работе». Он стал мастером, изваяв из словесного мрамора для нас и всех, кто будет после, свою эпоху, такую живую, дышащую мёдом и полынью, потом и кровью, пылью и солью... Он остановил время, в котором «...первые ветки раскинул

Павел Васильев
1910 - 1937

Турксиб», «на длинных дудках комариных стай» поёт в тростнике лихорадка, «мост первую радостью затрепетал», город поднимается из песков и «оглядывается назад», казачий косяк «среди солончаковых льдин» скачет рубить казахов «через большую тоску степей», так что кусты от страха бегут и солнце идёт стороной....

Экспрессия посреди эпической поэмы потрясает, а лирическая песня раскачивает, заставляет исподволь вибрировать душу, «ведёт по кружеву стиха». Роскошные образы не оставляют читателю возможности остаться сторонним наблюдателем. Ветер, река, метель, солнце... и даже времена года тоже становятся участниками событий. Ну как не поверить такому: «Звезда в продушине горит. Велит, чтоб люди крепче спали...», «Бежит... Дорога, как лисица в степях...», «Горячие песни за табунами Идут», «звонит печаль под острою подковой», «Утренняя прохлада плещется у ресниц». К вечеру степь приподнимается на цыпочки и нюхает «закат каждым цветком». А где-то «осиротевшие песни на корточки сели», «на тонких нитках писка» висят комары, петухи и кони «пьют зарю» красную, «как малахаи»...

Солнце, сопровождающее каждый день земной, перекатывается у Васильева из стихотворения в стихотворение: огромным рыжим кругом по небу идёт, стоит «над большими ветвями, над косыми тенями», укрывает «багряным крылом заката», раздаривает смех, убегает рыжей лисницей, «ходит вброд» через реку или тонет, чтобы опять появиться...

...Если в Иртыше человек утонет,
То его оплакивать остаётся.
Солнце ж множество множеств дней
Каждый день неизменно тонет,
Для того чтоб опять подняться
И сиять над нашею степью,
.....
И над всем существующим сразу...

Кочует по стихам ветер, то сладкий и душистый, льётся, звеня, то горький полынный, упрям и суров, протяжный и косой, летит через пустыни и моря, вяжет петлёй дым и клонит его к земле, рвёт и гонит облака, которые «Кубарем летят, Крутятся на руках. Будто бы кто-то ог-

ромный, немой Мёртвые головы катает в степи», то встанет на лыжи, «снега поднимет» «И пустит их, что стаю гончих псов, Ослепнувших от близости добычи»..., а то какой-то вдруг очаровательный, игривый – «...маленьким котёнком У ворот в траве попрыгать рад». Ветер и тот не похож у Васильева на другие ветра, удивителен и почему-то любим...

Казахстанская степь – это первый образ, представший перед поэтом от рождения. Говорят, что Васильев привнёс этот образ в русскую поэзию, как Есенин чуть раньше привнёс в неё образ русской деревни. Даже тот, кто родился вдали от бескрайних ровных просторов, сроднился с вершинами и

косогороми, в стихах Павла Васильева начинает чувствовать эту стихию, любить и тяготеть к ней. А она завлекает читателя, «Занимается Странной игрой: То лисицу выпустит из рукава, То птицу, То круглый бурьяна куст»... Зимняя степь пугает: когда идёт по ней человек – «Некому человека беречь». «Вьюга в дороге Подрезет ноги, Ударит в брови, Заставит лечь, Засыплет снегом до самых плеч!»

Степь видит и слышит всё, что делают люди, преобразуется их руками, «дрожа», гостит «в глазах у верблюда», который, «...скосив тяжёлые глаза, Глядит на мир, торжественный и строгий, Распутывая старые дороги, Которые когда-то завязал». Невольно проникаешься уважением к верблюду – вечному молчаливому кочевнику этих мест.

Но есть ещё один образ, неотделимый от степи, – кони. Чувствуется, что к ним у поэта особая любовь и привязанность. Даже память толкает в плечо «тёплой мордью коня». Конь – «приятель розовогубый». Лошадиные гривы – «косматые птицы» – развеваются над горячими «гривами песков», над снегами размётанными, над прииртышскими травами и солончаками...

У коней, как у людей, судьбы разные и в жизни, и в стихах. Два стихотворения Павла Васильева называются одинаково: «Конь». В одном из них герою предстоит дороги Первой Конной. В другом – всё сложилось иначе... «Замело станицу снегом – белым-бело». Вороны «осыпались у крыльца» хозяйского дома.

...Ходит павлин-павлином
В печке огонь,
Собирает угли клювом горячим.
А хозяин башку стопудовую
Положил на ладонь...
.....
А у коня глаза тёмные, ледяные.
Жалуеться. Голову повернул.
В самые брови хозяину
Теплом дышит,
.....
Губы протянул:
«Дай мне овса»...

Улыбается где-то весна, зовёт жеребятами и свадебными бубенцами, травами сочными, но слишком далека она, и не увидит её конь, не зачерпнёт копытом «голубой небесной воды», а прольёт на снег «розы крупные, мятые» из «целованной белой звезды»... Не сразу придёшь в себя от таких строчек...

Но есть у Павла Васильева ещё одно стихотворение, в котором столько необузданной лошадиной энергии, что кажется – вырвется она вот-вот из словесной ткани и понесёт нас (да ещё пол-России) по снегам пуще, чем гоголевская – чудотворная васильевская «Тройка»!

*...И коренник, вовсю кобенясь
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И – деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!*

Эта тройка, рванувшаяся когда-то посреди русской деревни, мчится и по сей день, напоминая нам, давно забывшим тепло дышащего лошадиного крупа, что «гул машин и тёплый хrap коней По-разному овладевают нами». Уже тогда Павел Васильев чувствовал, что надвигающийся железный век, вооруживший человека заводами, тракторами и плотинами, одевший «железную листвою» «Пустынные родные пустыри», взорвавший «шорох прежней тишины», отнимает у него что-то очень важное, понуждая даже поэзию сдружиться с «Промышленными нуждами страны».

Ох уж эта лирика Павла Васильева! И тракторам она улыбнулась и поклонилась, не говоря уже о звёздах, цветах и женщинах... «Я сам давно у трактора учусь И, если надо, плугом прицеплюсь...» Лирика его такая разная: радостная и печальная, ироничная и серьёзная, задумчивая и летящая... Но всегда о главном... даже если о комарах и лягушках!

*...Лягушка – и та поёт.
И у каждого свои голоса.
Если бы отбубнили все комары,
в мире б стало скучнее,
Так квакайте, квакушки,
летней ночью
раздуваясь
в прудах и болотах
сильнее!..*

Говорят, он хотел написать цикл из двенадцати стихотворений, посвящённых временам года. Не успел... Но то, что написал – потрясает художественностью. Поэма «Лето» начинается удивительными строками:

*Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Поводырём по всей России*

*Ты сказку за руку водил.
Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели до-о-лго
Их золочёные глаза.
Возы прошли по гривам пенным
Высоких трав, в тених, в пыли,
Как будто вместе с первым сеном
Июнь в деревни привезли...*

Каждая строка поэмы – золотая, весомая, а порой такая глубокая, что кажется – не по возрасту. Например, вот это:

*...Так, прислонив к щеке ладонь,
Мы на печном, кирпичном блюде
Заставим ластиться огонь.
Мне жалко, – но стареют люди...
И кто поставит нам в вину,
Что мы с тобой, подруга, оба,
Как нежность, как любовь и злобу,
Накопим тоже седину?..*

И это в двадцать два года! Посреди рассуждений о лете... Несколькими годами позже на середину лета пришлось и его гибель... Накопить седину он не успел.

...А вот и васильевская осень. Так тонко увиденная поэтом. И опять с грустью и особой теплотой к тому, что уже не вернётся:

*...Пей печальнейший, сладостный воздух поры
Расставания с летом. Как вянет трава –
Ряд за рядом! Молчи и ступай осторожно,
Бойся тронуть плакучую медь тишины.
Сколько мёртвого света и тёплых дыханий живёт
В этом сборище листьев и прелых рогатин!..*

А как прекрасен васильевский осенний дождь, который «Легким весёлым шагом ходит по саду» и «обрывает листья в горницах сентября!»

В замечательной поэме «Соляной бунт» осень – другая, но опять такая настоящая! С «лиственными кострами», «ярмарочными каруселями», с дымом из трубы, падающим «подбитым коршуном». Мы видим, как в «рёбрах оград» ходят лошади, и «сена намётано до небес», «спят в ларях Проливные дожди овса, Метится в самое небо Оглобель лес»... Осень сыта, но в то же время она грустит, и удивительным образом вслед за ней на втором плане проступают черты зимы, разрисованные другими красками:

*...Обронила осень
Синицы свист, –
Али загрустила
Она о ком?
А о ком ей грустить?
.....
Али есть тоска о снегах, о зиме,
О разбойной той, когда между пнями*

*Пробегут берёзы по мёрзлой земле,
Спотыкаясь, падая,
Стуча корнями?..*

Зима у Васильева порой загадочна, озорна, деятельна: «В цветные копна и стога Метал январь свои снега», «Купчиху-масленицу в поле Несла на розвальнях пурга!» В поэме «Кулаки» чудесно живо описана картинка из жизни зимы – зарождение метели, когда «двухаршинный санный» снег чуть пошевеливался от ветра, а в небе

*... медленно
Стала обозначаться
Свирепая, сквозь муть, голова.*

*И когда уже проступили
В мутном свете
Хитрый рот её и глазища,
В щель –
Длинно закричал «на помощь» ветер,
На бок упал, и пошла метель.*

Ещё не раз мы услышим в стихах «вьюг отчаянный гудёж» и голос бурь среди снегов покатых, увидим «Облака Мешанные Со снегами», ощутим, как осторожный бурый волк, схваченный капканом, взрывает «снежный шёлк» «каймою прихотно-узорной» перед тем, как отгрызть себе лапу...

Четыре времени года, четыре возраста травы, любви, мечты... Водоворот жизни, в котором вёсны всегда возвращаются, и опять из вековой темноты и пепла прорываются к свету цветы, в которых дышит «тепло сердечной простоты». Снова «дуреет от яблонь весна», зазывая к жизни, и «Яблони, когда цветут, Не думают о листьях ржавых»:

*Вёсны возвращаются! Весенний
Сад цветёт –
В нём правит тишина.
Над багровым заревом сирени,
На сто вёрст отбрасывая тени,
Рьяно закачается луна–
Русая, широкая, косая,
Тихой ночи бабья голова...»*

Живым – живое. И бог весть, какой век, «поднявший чаши», заманивает взор и «пирует» в камнях монастырей, где бьются черепа о черепа и «трепетных дыханий вьюга Уходит в логово своё»... Краткая человеческая жизнь и тёплая рука в руке бесконечно ценнее вечно покоя холодных могильных камней: «Я б ни за что сменить не смог Твоей руки тепло большое На плит могильный холодок!»

Какая творчество Павла Васильева, хочется сказать особо о реализации в его стихах образов человеческих. С одной стороны, эти образы – яркие меты своего времени, а с другой – в них вживлены философия и красота, вечные, как сама жизнь. По праву географического родства с поэтом и важности исто-

рической роли в стихах многократно возникает образ казака – думающего о женщине, гуляющего на свадьбе, выступающего на собрании, скачущего по степи и взмахивающего шашкой, ожидающего казни, умирающего и умершего...

*...Бабий рот
Казака манит
Издальче,
Будто он держит
Ещё в руке
Круглые и дрожливые
Бабьи плечи.*

*.....
Но из-под недвижимых
Птичьих век
Яростный зачинался
Огонь...
Как руку невесты,
Нашла при всех
Рукоятку шашки
Ладонь...*

Словно одним мазком, одним штрихом, лёгким касанием слова, а как врезается в память такое: «У переносицы Встретились брови, Как две собаки перед грызнёй». Строчки – на все времена.

Энергетика стихов Павла Васильева потрясает! Стихи звенят, голосят, ликут... а если печалются, то так надсадно, с такой любовью к жизни... Эта любовь красной нитью вплетена в его поэзию. Некоторые строки словно вибрируют, переполненные летящей радостью просто быть, дышать, видеть солнце:

*...Ну что ж!
За всё ответить готов.
Да здравствует солнце
Над частоколом
Подсолнушных простоволосых голов!
Могучие крылья
Тех петухов,
Оравших над детством моим
Весёлым!
Я, детёныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!..*

Но ничего не бывает просто так. У большой жизненной силы человека есть исток – наполненное любовью детство. Как правило. Вся радость человеческого бытия и всё лучшее, на что мы способны в жизни, произрастают оттуда. Человеческое сердце крепко запрягивает «детство на замки», как неприкосновенный жизненный запас. В разные моменты судьбы Павел Васильев вспоминает детство с новыми интонациями и тем теплее, чем дальше оно остаётся. Душа рождает «горестные песни расставанья». Через двад-

цать лет жизни он достаёт из сердца слова, трепетные настолько, что перехватывает дыхание:

*... Вот родина! Она почти что рядом.
Остановлюсь. Перешагну порог.
И побуюсь произнести признание.
.....
Так вот она, мальчишества берлога –
Вот колыбель сумятицы моей!..*

Через многие годы в минуты радостные и грустные «прекраснейшее далёко Начинает большими Ветвями шуметь», и к поэту возвращаются не только дорогие сердцу места, но и близкие, родные люди...

«Неуступчивый, рыжеволосый, с дудкою старой» «дедко» Корнила Ильич снова рассказывает сказку, ходит к реке, играет на дудке. Опять летают песни, «как белые перья, Как пух одуванчиков над землёй», и кружатся ночи рябые «От звёзд, сирени и светляков». В одном из стихотворений Павел Васильев мысленно обращается к деду:

*... Теперь бы время сказкой потешить
Про злую любовь, про лесную жизнь.
Четыре пня, как четыре леших,
Сидят у берега, подпершись...*

Иногда мы слышим идущую из детства, особую песенность и необыкновенно красивый говор, всё чаще забываемый нами сегодня: «У тебя кольцо горело На руке. О ту пору птаха пела Вдалеке... Развяжу шелковый пояс, Не беда. За кольцом нырну и скроюсь Навсегда...»

... Через всю поэзию длится непростой, но очень сердечный разговор с самым дорогим для Павла Васильева человеком – матерью, Глафирой Матвеевны. Этот разговор меняет интонацию и силу по мере того, как меняется сам поэт: от мальчишки, второпях покинувшего родительский дом, до узника, ожидающего приговора... Некоторые стихи, посвящённые матери, исповедальные. В стихотворении «Глафира», предаваясь «терпким и тяжёлым» воспоминаниям молодости, он проходит вместе с ней по «выжженным следам» прошлого, где уже который раз трава «перекипала» «зелёной пеной», и признаёт «извечную жестокость» жизни:

*... Всё то, что было дорого тебе,
Я на пути своём уничтожаю.
Мне так легко измять твою сирень,
Твой пыльный рай с расстроенной гитарой,
Мне так легко поверить, что живёт
Грохочущее сердце мотоцикла!..*

Через двадцать лет над родным Поречьем «те же журавли... и то же небо», но голос поэта уже доносит до нас тревогу, растерянность, переживание грусти, и мы слышим откровение: «Пускай прижмётся тёплой щекой К моим рукам твоё воспоминанье, забытая и признанная мать, – Горька тоска...»

Надсадность души, ощущение расставания и одиночество последних месяцев жизни наполнили стихи о

близких и дорогих людях силой самого высокого сердечного переживания. Последние слова о них Павел Васильев произнёс непереносимо надрывно, непередаваемо печально, не по возрасту мудро и мистически проникновенно...

Для нас, владивостокцев, особенно дорого соприкосновение Павла Васильева с Дальневосточным краем. Мы не знаем, что повлекло его тогда в столь удалённые от родины места, но интерес шестнадцатилетнего поэта к тихоокеанским берегам на заре своего творчества можно сегодня рассматривать как подарок судьбы нам.

Владивосток, воспринятый глазами юного Павла Васильева, остался в нескольких стихотворениях. Вот так он увидел одну из бухт среди подкравшегося, «как кошка к добыче», вечера:

*... Бухта дрожит неясно.
Шуршат, разбиваясь, всплёски.
На западе тёмно-красной
Протянулся закат полоской.
А там, где сырого тумана
Ещё не задёрнуты шторы,
К шумящему океану
Уплывают синие горы.*

Отдельная тема в поэзии Павла Васильева – тема любви... У стихов о любви – особое предназначение: ими проверяется масштаб поэта, хотя иногда кажется, что такие стихи наиболее легки, просто льются. Наверное, потому, что любовь, пусть даже ушедшая, несчастная или которая, может быть, питает поэзию, создаёт чувственный раствор-расплав, из которого потом прорастает душа стихотворения.

Первые известные стихи о любви появляются у Павла Васильева в шестнадцать лет. Последние – в двадцать шесть. Десятилетие, в котором он спешил жить, творить и любить... Десятилетие стремительного взросления поэта вместе с его чувствами к женщине и стихами об этом. Но в ранней любовной лирике есть какая-то трогательная особенность, чарующее переплетение детскости, восторга и мудрого отношения к тайне на двоих:

*Дальше? – Дальше по-новому старое.
Дальше? – Дальше расскажет весна.
Дальше – знают лишь очень карие
Да бездонные ночи глаза!*

Женщина у Васильева бесконечна в своих проявлениях. Она зовёт его «шёлком разогретым», «недоступным и косым» взглядом из-под ресниц, могучим перекатом волос, улыбкой, которая цветёт в подкрашенных губах... В одном из стихотворений под звёздами Семиречья происходит прощание. Перед нами «девушка со строгими глазами, навсегда готовая простить...». И совершенно по-особому «... в последний раз... Развязавшись, поползли на плечи Крашенные волосы...». Она заставляет мучиться и признавать: «Я бредил горько тёплыми следами Случайных встреч – и ты тому виной». Женщина овладевает его душой и доводит до исступления: «Далё-

кая, проклятая, родная, Люби меня хотя бы не любя!»

В стихах мы встречаем немало женских имён: Галя, Нина, Настя, Наталья, Елена... Есть стихи о любви безымянные. Говорят, что женщины Павла Васильева спорили впоследствии, кому поэт посвятил те или иные строки. Ещё бы! Какая женщина не мечтала бы о таких посвящениях:

*...Я клянусь,
Что средь ночей мгновенных,
Всем метелям пагубным назло,
Сохраню я –
Молодых, бесценных,
Дрогнувших,
Как дружба неизменных,
Губ твоих июньское тепло!..*

Наверное, он влюблялся не однажды... Но, похоже, всегда до трагичности, до боли, без меры. Первой жене, Галине Анучиной, посвящено признание: «*И самой лучшей из моих находок Не ты ль была? Тебя ли я нашёл, Как звонкую подкову на дороге, подругу счастья?..*» Любовь к Нине Голицыной выплеснулась строчками: «*Как с камнем перемешана земля, Так я с тобой...*» А «Стихи в честь Натальи» особенно легки:

*Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ногтей люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.*

Постижение женщины Васильевым удивляет и потрясает. Всякая ли женщина знает себя настолько, насколько увидел женщину он?..

Похоже, ни один другой язык не устроил бы Павла Васильева для выражения чувств – у каждого, подходящего к женскому образу русского слова своя смысловая гамма и свои полутона: медынь, забава, рыжая, бесстыдная, ароматная...

Соседка ли, ведущая поить коней, или случайно встреченная в вагоне спутница, в зелёных глазах которой нежится весна, – женщина, которая с ним рядом, всегда для него восхитительна, и он ей благодарен...

*...Жеманница! Ты туфель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.*

.....

*Ты не имеешь права равной быть.
Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай,
стынь...*

.....

*И мы в плену пустышного обмана,
Переплелись, не разберёшь – кто где...
– Плутовка. Драгоценная. Позор...*

Строки удивляют откровенностью, но не вызывают

протеста: сугубо личное, сокровенное становится фактом поэзии.

Однажды слово «любовь» зазвучит в его стихах по-новому, собственнически, со страхом потерять. В этот раз оно обращено ко второй жене – Елене:

*Спи, я рядом.
Собственная, живая,
Даже во сне мне не прекословь.
Собственности крылом тебя прикрывая,
Я охраняю
Нашу любовь.*

По волнам любовной лирики Павла Васильева можно путешествовать очень долго и не переставать удивляться, находя там всё новые и новые восхитительные подтверждения касания этой темы рукой мастера.

Поразительно то, как быстро на протяжении всего творчества поэт взрослеет в своих чувствах и способах их выражения, словно предназначенные для постижения тонкостей жизни годы, месяцы, дни... были давно сочтены...

Он чувствовал близкую расправу и поэтому прощался. Прощался так, что можно содрогнуться:

***...Есть такое хорошее слово – родная,
От него и горюется, и плачется, и поётся.
Я его оттаивал и дышал на него,
Я в него вслушивался. И не знал я сладу с ним.
Вы обо мне забудете – забудьте! Ничего,
Вспомню я о вас, дорогие мои, радостно...***

Трудно поверить, что эти строки принадлежат двадцатишестилетнему человеку...

Каков он, предел возможностей Павла Васильева? Мы никогда не узнаем об этом. Но даже то, что он успел оставить нам за свою короткую стремительную жизнь – огромно, уникально и потрясающе талантливо.

Кажется, чего бы ни коснулся в своём творчестве Павел Васильев, всё: от зыбучего песка до взволнованного человеческого дыхания – утрачивает краткий земной смысл и обретает новые сверхтонкие черты неисчезающего, предназначенного будущему, художественного сгустка. Непереводимы порой васильевские образы на язык обыденный, прозаический и ни на какой другой тем более. Тончайший логический анализ не позволяет разложить до конца субстанцию васильевского стиха до предельно понятного и полностью измеримого.

5 января 2010 года подошёл столетний юбилей вечного двадцатишестилетнего Павла Васильева. Во многих памятных местах прошли Васильевские чтения. О нём написали газеты...

Но не пришла ли пора поднять певца на пьедестал подobaющей высоты, не побояться произнести признание: дать его имя улицам и скверам, библиотекам и площадям, включить его творчество в школьную программу?

Разве не в наших силах раскрыть книгу его стихов и удивиться красоте и роскоши родного русского языка? Разве исчезла в нас жажда постижения родины, красоты, любви и самих себя, наконец?..

СПЕШИТЕ!!!

ПОДПИСКА-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:
692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву Владимиру Александровичу.

3 месяца — 150 рублей, 6 месяцев — 250 рублей, 1 год — 450 рублей.
При оформлении годового абонемента экономия от 50 до 150 рублей!

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года. К подписавшимся помесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

Дэв СИРАН,
п. Углекаменск, Приморский край

СОН И ЯВЬ (заморочка)

Море. Море... Дорога – это дорога! Море к берегу льнет.

Дорога от берега бежит, вьется, петляет, взбирается на горки, ныряет в распадки, как в тоннели, вырывается на простор долин и равнин.

Море, спокойное или бурливое, какое бы оно ни было, оно живое, изменчивое, с характером. С морем надо разговаривать, работая до пота, дружить.

Мотор послушен седоку. Знай, пой любимую песню, когда катишь по равнине, урчит, сердясь, взбираясь на кручу, а взобравшись, летит с горы, радостно замирая – не стучат клапана, не толкают поршни. Так доедешь до места. Одно интересно: что там, за горкой или за поворотом?

Наша жизнь поката, думал седок. Автомобиль управлялся легко. Седок только что сошел на берег. Корабль, как громадный кит, привалился к причальной стенке – выпустил пары.

Было еще светло. Дорога просматривалась. «Мотор», подпевая мыслям седока, резво несся, как застоявшийся конь. Легко вписываясь в поворот, почувствовал выравнивание дороги, рванул в долину. Какая-то мысль мелькнула у седока и угасла. «Мотор» со всей стремительностью влетел, как в разлитое молоко. Ничего не видно. Мигнули противотуманные фары. Завизжали скаты по дорожному полотну. Седок боднул переднюю стойку головой...

Темно. Тихо. Открыл глаза – пристегнут...

...верно говорили предки: «Спать ложась, крестознаменно пристегнись».

Рис. Т. Чуйко, с. Хороль

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 5 печатных листов.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 мая в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.